Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И. В. Евсеева
«_____» _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ МОНАШЕСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ СЛОВЕСНОСТИ XX ВЕКА

Выпускник А.К. Буравлева

Научный руководитель канд. филол. наук,
доц. А.Н. Смолина

Нормоконтролер Н.С. Севруженко

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «УТЕШЕНИЕ»..... 9

1.1. Речевой жанр «утешение» в свете современной теории русского речевого этикета..... 9
1.1.1. Речевой этикет как предмет филологического изучения..... 9
1.1.2. К вопросу об определении корпуса этикетных речевых жанров.. 15
1.1.3. Речевой жанр «утешение» и речевой этикет..... 27
1.2. Православное монашество как культурный и религиозный феномен…… 31
1.3. Религиозно-философские основы изучения функционирования речевого жанра «утешение» в духовном эпистолярии русских писателей-монахов..... 35
1.3.1. Монашеская словесность как феномен русской культуры..... 35
1.3.2. Идейное содержание монашеской словесности в ее отношении к религиозно-философскому учению исихазма..... 38

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1..... 41

ГЛАВА 2. РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В ЭПИСТОЛЯРИИ ПИСАТЕЛЕЙ-МОНАХОВ..... 43

1.1. Духовное утешение: общая характеристика..... 43
1.2. Содержательные типы речевого жанра «духовное утешение» 45
1.3. Языковая реализация речевого жанра «духовное утешение» 60
1.3.1. Лексические способы выражения духовного утешения 60
1.3.2. Бытование религионимов в речевом жанре «духовное утешение»…. 63
1.3.3. Морфологические способы выражения духовного утешения..... 66
1.4. Элокутивная организация духовного утешения 74
1.5. Функции речевого жанра «духовное утешение» 84

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2..... 87

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 88

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ..... 91

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА..... 100

ВВЕДЕНИЕ

Представляемое исследование посвящено особенностям бытования речевого жанра «утешение» в эпистолярных текстах церковно-религиозного стиля. На основе анализа духовных писем русских православных писателей-монахов XX века делаются выводы о содержательных, лексических, морфологических, тропеических и фигуративных чертах исследуемого языкового явления. В центре внимания находится содержательная составляющая церковно-религиозного утешения, собственно лингвистические особенности изучаются в их отношении к идейной специфике речевого жанра.

В основу анализа положены теоретические представления М. М. Бахтина, в частности его суждения о том, что «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы… высказываний» – речевые жанры, что «всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами» [Бахтин, 2013: 250, 253]. Церковно-религиозный стиль как один из функциональных стилей русского языка, несомненно, обладает собственной системой жанров (проповедь, молитва, исповедь, житие и иные), а свойственные иным стилям речевые жанры (совет, просьба, приветствие и многие другие), попадая в церковно-религиозную речевую сферу, приобретают специфические черты. В практической части работы при создании «портрета» утешения, функционирующего в духовных письмах, были продемонстрированы его уникальные свойства. Выделение содержательных типов анализируемых текстов наряду с презентацией их элокутивных особенностей позволило поставить вопрос о наличии особой разновидности утешения, которое можно именовать духовным или церковно-религиозным.

Проводя анализ исследуемых текстов, мы обращались к теоретическим источникам, которые дали возможность выявить закономерности использования языковых единиц в текстах церковно-религиозного стиля, а

также составить представление о развитии его теории, достижениях в изучении духовных произведений. Значимо сказать о том, что церковно-религиозный функциональный стиль стал изучаться российскими лингвистами в преддверии XXI века. Одной из первых отечественных работ в исследовании языка православной коммуникативной сферы можно считать статью Л. П. Крысина «Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме» (1996 год). Церковно-религиозным стиль назвала О. А. Крылова. Термин церковно-религиозный, а не религиозно-проповеднический, по мнению О. А. Крыловой, «предпочтительнее, так как указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную сферу общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих текстов, но не ограничивает его реализацию лишь жанром проповеди» [Крылова, 2006: 613]. Важными в теоретическом и практическом отношениях стали также труды О. А. Прохватиловой [Прохватилова, 2000], указывавшей на необходимость подробного изучения церковно-религиозного стиля, Т. В. Ицкович, написавшей работу по его жанровой систематизации [Ицкович, 2016], И. В. Бугаевой, представившей системное описание особенностей языка православных верующих [Бугаева, 2010]. В течение последних десятилетий церковно-религиозные тексты активно изучаются с различных позиций: риторических, лингвопрагматических, стилистических, лингвокультурологических, лексикологических, литературоведческих, теолингвистических. Изучение церковно-религиозного стиля и его выделение как самостоятельной стилистической подсистемы нашло отражение в учебных пособиях по стилистике русского языка, например в трудах М. Н. Кожиной, Л. Р. Дускаевой, В. А. Салимовского «Стилистика русского языка», Н. А Купиной, Т. В. Матвеевой «Стилистика современного русского языка» [Кожина и др., 2012; Купина и др., 2015].

Обращенность к активно развивающейся теории церковно-религиозного стиля, встраивание в его жанровую систему в малой степени исследованного

речевого жанра «утешение» делает работу актуальной. Обусловливает **актуальность** исследования и его включенность в разработку теории эпистолярной словесности (труды А. В. Курьянович, Н. В. Понырко, Н. И. Белуновой, Т. Г. Рабенко, Т. П. Акимовой и др.), в изучение активно исследуемой в наши дни монашеской культуры, в частности монашеской словесности (работы А. В. Моргачевой, И. Н. Ружинской, Е. В. Ткачева, Н. А. Хафизовой, иеромонаха Симеона (Томачинского) и др.), в развитие теории русского речевого этикета (научные изыскания А. И. Бирюлиной, Л. Р. Дускаевой, И. Е. Герасименко, А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябовой и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем показываются особенности функционирования утешения в русском церковно-религиозном общении, рассматриваются его содержательные варианты, лингвистическая специфика; работа по изучению идейной и языковой специфики христианского утешения находится на начальном этапе (исследования А. Н. Смолиной). Из трудов, в которых затрагиваются вопросы, связанные с представлением коммуникативных особенностей утешения в христианской культуре, можно отметить статьи Е. А. Аль-Фарадж «Эпистолярное утешение XVII века на примере переписки Антуана Арно» и С. А. Моисеевой «Рецепция античной традиции *consolatio* в средневековой арабо-христианской литературе».

Объектом исследования является «утешение» как этикетный речевой жанр. **Предметом исследования** – идейно-содержательные, лингвостилистические, типологические особенности этикетного речевого жанра «утешение», функционирующего в эпистолярных текстах русского православного монашества XX века.

Цель работы заключается в выявлении идейно-содержательной и стилистической специфики функционирования этикетного речевого жанра «утешение» в русской монашеской эпистолярной словесности XX века.

Поставленная цель предполагает решение **следующих задач:**

1) с опорой на идейно-содержательную составляющую исследуемых текстов обосновать выделение специфического речевого жанра «духовное утешение»;
2) представить содержательные типы речевого жанра «духовное утешение»;
3) рассмотреть лексические способы выражения речевого жанра «духовное утешение»;
4) выявить морфологические способы выражения речевого жанра «духовное утешение»;
5) показать лингвостилистическую роль религионимов в исследуемых текстах;
6) обозначить элокутивную специфику речевого жанра «духовное утешение»;
7) рассмотреть основные функции речевого жанра «духовное утешение».

В ходе исследования использовались **методы** лингвостилистического анализа, направленного на выявление закономерностей использования языковых единиц в разных сферах речевой коммуникации, классификации, лингвистического описания, а также лингвистическое комментирование.

Фактическим материалом для анализа послужили эпистолярные тексты русских церковных писателей-монахов схиигумена Иоанна (Алексеева), игумена Никона (Воробьева), архимандрита Иоанна (Крестьянкина), митрополита Иоанна (Снычева), митрополита Макария (Невского), схиархимандрита Иоанна (Маслова), схиархимандрита Серафима (Романцова).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории церковно-религиозного функционального стиля, в частности ее речежанрового направления, а также в изучении специфики эпистолярной коммуникации, русского речевого этикета, монашеской словесности как феномена отечественной письменной культуры. **Практическая значимость** обусловлена возможностью использования его результатов в преподавании

таких учебных дисциплин, как «Риторика», «Стилистика русского языка», «Культура русской речи», «История русского литературного языка».

Теоретическую основу исследования составили труды по жанроведению (М. М. Бахтин, Т. В. Шмелева, М. Ю. Федосюк и др.), церковно-религиозному стилю и монашеской словесности (Л. П. Крысин, И. В. Бугаева, иеромонах Симеон (Томачинский) и др.), религиозной христианской философии и культуре русского монашества (И. К. Смолич, И. Ф. Мейендорф, В. О. Моргачев, Н. А. Хафизова и др.), речевому этикету (А. А. Акишина, Н. И. Формановская, Т. В. Тарасенко, А. И. Бирюлина, В. Гладров, А. А. Соловьева и др.), жанру утешения (Е. А. Аль-Фарадж, Т. Г. Рабенко, А. Н. Смолина, А. О. Ханский и др.).

Апробация исследования.

Результаты исследования излагались на научных конференциях: «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2019), «XX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения “Великая Победа: наследие и наследники”». Межрегиональная научно-практическая конференция (Красноярск, 2020 г.), II международный форум языков и культур (Красноярск, 2021). По теме исследования опубликовано две статьи: «Речевой жанр “утешение” в церковно-религиозном стиле (на материале писем-поучений митрополита Иоанна (Снычева))» («Siberia Lingua», 2019) и «Учительные письма митрополита Иоанна (Снычёва): тропеические и фигуративные особенности» (журнал «Scripta manent», 2019).

Структура работы.

Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, списка источников иллюстративного материала и списка использованной литературы.

В 1 главе «Теоретические основания лингвистического исследования речевого жанра “утешение”» рассматривается вопрос об определении понятия «этикетный речевой жанр», приводится классификация этикетных речевых

жанров. Представляется положение речевого жанра «утешение» в русле речевого этикета. Также исследуются феномен монашества и церковно-религиозная эпистолярная словесность как неотъемлемые части христианской и русской культуры.

Во 2 главе «Речевой жанр “утешение” в эпистолярии писателей-монахов» представлена типология содержательных типов речевого жанра «духовное утешение», выявлены языковые, элокутивные особенности и функции.

В заключении содержатся основные выводы по работе.

Список использованной литературы содержит 86 наименований.

Список источников иллюстративного материала состоит из 7 пунктов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «УТЕШЕНИЕ»

1.1. Речевой жанр «утешение» в свете современной теории русского речевого этикета

1.1.1. Речевой этикет как предмет филологического изучения

Речевой этикет, согласно словарю лингвистических терминов, это «система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [ЛЭС, 1990: 413]. Так называемые устойчивые формы общения часто ставятся в центре филологического изучения. Современные исследования теории речевого этикета могут быть направлены в сферу коммуникативной лингвистики, на изучение семантики языковых единиц, в сравнительное языкознание (а именно изучение речевого этикета различных стран и культур). Речевой этикет может исследоваться на примере определенного речевого жанра или в культуре в целом. В этой связи изучение речевого этикета представляет большой интерес на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, страноведения, психологии и других гуманитарных дисциплин, так как он является важнейшим показателем межличностных отношений в языке и культуре. Рассуждая о русском речевом этикете, нельзя не упомянуть о том, что начало его современному научному изучению было положено В. Г. Костомаровым, Н. И. Формановской, А. А. Акишиной. В 1967 году вышел первый номер журнала «Русский язык за рубежом», где была напечатана статья В. Г. Костомарова «Русский речевой этикет». Вопрос, связанный с пониманием речевого этикета, также изучается

Е. И. Беляевой, В. Е. Гольдиным, М. А. Егоровой, И. А. Стерниным, Л. В. Цуриковой и другими учеными. В основе речевого этикета как функциональной системы языковых единиц лежат коммуникативная и когнитивная функции.

Н. И. Формановская дает следующее определение речевому этикету: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности». [Формановская, 2004: 57]. Исследователем были выделены устойчивые формулы речевого общения для различных ситуаций: прощание, приветствие, извинение, обращение, просьбы и другие. В речевом взаимодействии устойчивые формулы общения предназначены для оказания воздействия на собеседника; названы единицами речевого этикета (ЕРЭ): это «ситуативно обусловленные, коммуникативно направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единств устойчивые формулы общения» [Соколова, 1991: 80]. Н. И. Формановская в работе «Речевой этикет и культура общения» также выделяет девять правил ведения речи: «доброжелательное отношение к собеседнику; уместная в данной ситуации общая вежливость; не ставить в центр внимания собственное “я”; постоянно поддерживать контакт внимания, понимания и интереса; умело выбрать тему для разговора; следовать логике развёртывания текста; помнить, что порог смыслового восприятия и концентрации внимания у слушателя ограничены; постоянно вести отбор языковых средств; помнить, что в устном контактном общении слушатель не только слышит, но и видит его, принимает от него множество сигналов невербальной коммуникации» [Формановская, 2009: 201].

Цель речевого этикета – достижение акта успешной коммуникации. В связи с этим речевой этикет связан постулатами речевого общения, которые помогают в достижении данной цели. Постулаты, сформулированные

Г. П. Грайсом и Дж. Личем, выводятся из лежащего в основе всякого общения принципа кооперации и основаны на взаимном расположении говорящих. Постулаты речевого общения являются неотъемлемой частью активной и пассивной языковой практики каждого носителя языка. С другой стороны, эти требования показывают общий уровень культуры речи.

Речевой этикет изучался и изучается с различных сторон, в связи с чем в настоящем параграфе мы также рассмотрим современные исследования, посвященные данной теме. В работе представлен краткий обзор таких исследований, в которых рассмотрен речевой этикет как предмет филологического изучения в современном дискурсе. Например, в диссертационной работе В. В. Луневой «Речевой этикет как гиперсемиотическое образование: лингвопрагматический аспект» речевой этикет рассмотрен с принципиально новой стороны. Ученый исследует речевой этикет как знаковую систему и делает, в связи с этим соответствующий вывод: «Речевой этикет является гиперсемиотическим образованием, в котором речевые формулы представляют собой знаки иконического типа. Для этих единиц характерна модальная детализация и расширение в официальных ситуациях. Этикетные знаки представляют собой прагмемы, в формировании и репрезентации которых значимы как собственно лингвистические, так и паралингвистические средства» [Лунева, 2011: 4]. Кроме того, исследователь отмечает факторы, из-за которых речевой этикет подвержен изменениям: новые социокультурные условия, глобализация, развитие интернета, масс-медиа и многие другие. В. В. Лунева заключает из этого, что «изменения речевого этикета, специфика функционирования этикетных формул определяют общие культурно-поведенческие тенденции, которые оформляются под влиянием идеологии, а также и лингвистической идеологии в языке. Одной из таких тенденций на современном этапе является политкорректность. Политкорректность как коммуникативная и собственно языковая тенденция значима для речевого этикета в целом, так как усиливает доминирование этикета как средства гармонизации общения по сравнению с

другими языковыми и паралингвистическими средствами и формирует нормы, жестко ограничивающие или смягчающие воздействие на личную сферу коммуникантов» [Лунёва, 2011: 19].

В диссертации «Русский речевой этикет в свете этики ответственности» Юй Исин изучает речевые акты обращения и извинения, чтобы выделить особенности их языковых средств воплощения, лексического состава, функции; разрабатывает их классификацию с точки зрения речевого этикета и способы их употребления в речи. В специфике обращений Юй Исин выделяет два типа: «Обращения могут быть разделены по их иллокутивным целям на два типа: вокативы и экспрессивы (оценки). Экспрессивы (оценки) подразделяются на такие подтипы, как обращения-контактивы, <…> обращения-характеристики и обращения-«деструктивы». Обращения выполняют как собственно апеллятивную (призывную) функцию, так и фатическую функцию (контактоустанавливающую и контактоподдерживающую), часто осложненную эмоционально-экспрессивными (аксиологическими) «добавками», выражающими субъективное отношение говорящего к адресату (Что ж ты, ягодка, кушай со Христом)» [Юй Исин, 2019: 5]. В речевом акте извинения учёный также выделяет несколько видов: «По параметру “языковое представление причины извинения” все извинительные высказывания делятся на две группы: эксплицитные и имплицитные. <…> По параметру “характер причины извинения” все извинительные высказывания в современном речевом общении могут быть разделены на две большие группы: 1) извинения за действия (извинения «по существу» и конвенциональные извинения), 2) извинения за речевые действия, или метаизвинения (семантически мотивированные и десемантизированные, наполненные субъективной модальностью)» [Юй Исин, 2019: 7].

Существуют работы, где сравнивается речевой этикет разных культур: например, «Сопоставительно-типологический анализ этикетной лексики в языках различных культур: аварском и английском» Магомедовой Зайнаб

Казимагомедовны; «Языковая и речевая природа средств речевого этикета» А. А. Баталова; «Речевой этикет как отражение особенностей коммуникативного процесса в русской и немецкой культурах» О. В. Кохан; «Социокультурная компетенция: речевой этикет в Малайзии и России» Н. Э. Петровой. Так, в работе А. А. Баталова рассматривается проблема вариативности средств речевого этикета в британском и американском вариантах английского языка.

Актуальными в наше время стали работы по изучению речевого этикета в интернет-пространстве: например, «Речевой этикет в интернет-коммуникации» И. Е. Герасименко, где было рассмотрено обращение как один из важных этапов в коммуникации не только в жизни, но и интернете. А. А. Мосейко в исследовании «Особенности и отличия интернет-этикета от традиционного речевого этикета» приходит к выводу о том, что особые отличия речевого этикета в двух сферах общения отсутствуют; за исключением некоторых особенностей самого пространства интернет-общения в целом, специфика сетевого общения базируется на обычной речевой коммуникации. Л. Р. Дускаева в работе «Речевой этикет в онлайн-сообществах: медиалингвистический анализ» рассматривает средства, используемые в онлайн-коммуникации для организации вежливого общения, и выводит следующие коммуникативные тактики: «а) регламентируется включение участника в комьюнити; б) оговаривается речевая форма авторского самовыражения, устанавливаются запреты на некоторые формы речевого поведения и налагаются санкции за нарушения запретов; в) автору обеспечивается высокий коммуникативный статус и каждому участнику – свобода для творческого самовыражения; г) стимулируется, с одной стороны, установление контактов с подходящим по тем или иным параметрам партнером, с другой стороны, регулируется степень близости партнеров в соответствии с пожеланием его инициатора; д) предоставляется возможность оставить/получить отклик на то или иное коммуникативное действие инициатора общения. Эти установки реализуются

использованием множества ресурсов, среди которых как технические, так и речевые средства адресации и реагирования» [Дускаева, 2020: 56].

В работах, написанных нашими соотечественниками для иностранных журналов, также поднимается тема речевого этикета. E. Malyuga, D. Maksimova, M. Ivanova («Cognitive and Discoursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication») рассматривают особенности речевого этикета в корпоративном общении британских и американских бизнесменов. Ученые делают вывод о том, что речевой этикет в корпоративном общении характеризуется специализированными функциями и их четкой реализацией, от чего в свою очередь зависит успех коммуникации. В другом исследовании – «Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette» – E.A. Danilina, E.E. Kizyan, D.S. Maksimova пишут о соблюдении общепринятых стандартов речевого этикета в рекламном дискурсе. В работе говорится о том, что рекламный дискурс уникален с точки зрения его манипулятивного потенциала, поэтому произведена попытка изучить, как эвфемистические единицы используются в английской коммерческой и социальной рекламе, без нарушения при этом норм речевого этикета.

Таким образом, речевой этикет в современной филологии изучается в различных аспектах: в общении, в языковой картине мира, во всевозможных сообществах, в рекламном дискурсе, межкультурной коммуникации и многих других. Это говорит о том, что речевой этикет, как и речевое общение, занимает особое положение в системе филологического изучения, представляет интерес для исследования учёными разных специальностей в условиях активного развития общества, глобализации, а также в интернете, средствах массовой информации.

1.1.2. К вопросу об определении корпуса этикетных речевых жанров

Определение этикетных речевых жанров наиболее полно представлено в классификации речевого жанра, которая была сделана Т. В. Шмелевой. Она выделяет четыре класса речевых жанров по коммуникативной цели: «ИНФОРМАТИВНЫЕ – цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение; ИМПЕРАТИВНЫЕ – цель которых – вызвать осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения; ЭТИКЕТНЫЕ – цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и т. д. вплоть до отречения от престола; ОЦЕНОЧНЫЕ – цель которых – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [Шмелева, 1997: 91]. Этикетные речевые жанры обращены к сфере социальных отношений и предназначены для того, чтобы формировать события социальной действительности.

Для того чтобы определить корпус этикетных речевых жанров, обратимся к нескольким работам: «Этикет русского письма» А. А. Акишиной и Н. И. Формановской; «Русский речевой этикет», «Культура общения и речевой этикет» Н. И. Формановской. Ученые в исследованиях этикета русского языка, и особенно в работе «Этикет русского письма», выделяют речевые жанры, которые, соответственно, можем отнести к этикетным речевым жанрам, так как они относятся к этикету письма и речи. О письме в книге А. А. Акишиной и Н. И. Формановской говорится: «Письмо – это особый (эпистолярный) жанр речи. Оно составляется и направляется адресату с целью сообщить ему что-либо, уведомить о чем-либо. <…> Жанр письма диктует большую стереотипизированность выражений, чем устное общение,

отсюда особый, свойственный эпистолярному жанру набор выражений [Акишина, Формановская, 2016: 3]. Под речевым этикетом авторы понимают: «правила речевого поведения, определяемые взаимоотношениями говорящих. Такие правила приняты данным национальным коллективом носителей языка, а также малыми социальными группами в зависимости от возраста, социальной принадлежности, обстановки общения и т.д.» [Акишина, Формановская, 1978: 3]. В работе «Этикет русского письма» были выделены следующие этиктеные речевые жанры: приветствие, прощание, обращение, благодарность, совет, утешение, просьба, соболезнование, предложение, извинение, поздравление, согласие/несогласие. Перечисленные жанры выделяет то, что они по-разному функционируют и выстраиваются в различных коммуникативных ситуациях. В деловой переписке для них характерно одно употребление, а в частном письме – другое. Например, в деловой коммуникации для благодарности характерны следующие стереотипные выражения: «(Мы) благодарим Вас; Мы благодарны Вам; Мы признательны Вам за Ваше письмо (Ваш ответ, Вашу помощь и т. д.), за то, что...»; в частной переписке: «Сердечно (горячо); От всего сердца (от всей души) благодарю Вас (тебя), за письмо (весточку, ответ, помощь и т. д.), за то, что... (поддержали меня и т. д).» [Акишина, Формановская, 2016: 51–52]. Описание каждого речевого жанра сопровождается комментариями, в которых говорится о том, в какой коммуникативной ситуации уместнее будет использовать речевой штамп, этикетную речевую формулу. Благодаря форме употребления этикетного речевого жанра в конкретной коммуникативной ситуации, мы понимаем характер отношений между участниками общения, так как этикетный речевой жанр является информативной частью письма. Более того, можно прийти к выводу о том, что этикетные речевые жанры обладают особенностью диалогичности, на основании работы исследователей А. А. Акишиной и Н. И. Формановской. Авторы об этом пишут: «…письмо нельзя назвать монологом в полном смысле, так как наличие конкретного адресата, а главное – предполагаемого его ответа вызывает и диалоговые

формы общения (приветствие, прощание, обращение и т. п.)» [Акишина, Формановская, 2016: 4]. Цель этикетного речевого жанра – осуществление поступка по отношению к адресату сообщения, который будет одобрен этикетом культуры, в котором находятся коммуниканты. Этикетный речевой жанр выполняет фатическую, эмотивную, контактоустанавливающую функции, т.е. установление, поддержание, прерывание общения; может быть выражен с помощью иллокутивного глагола в перформативной функции, устойчивых, так называемых речевых штампов, которые индивидуальны для каждого речевого жанра. Этикетному речевому жанру свойственно иметь эмоциональную окраску.

Теперь постараемся подтвердить точку зрения А. А. Акишиной и Н. И. Формановской о корпусе этикетных речевых жанров, попытаемся дать им характеристику в свете данной теории.

Работы, в которых приветствие и прощание исследуются с точки зрения этикетных речевых жанров, можно встретить, например, у Т. Г. Рабенко, Е. А. Черепановой – в частности, «Жанры приветствия и прощания в речи студентов». В исследовании Т. Г. Рабенко и Е. А. Черепановой изучаются этиктеные речевые штампы и формулы этикетных речевых жанров приветствия и прощания на материале студентов кемеревского университета. Исследователи отмечают, что сам по себе этикет ритуализирован, поэтому знание его помогает участникам коммуникативной ситуации определить, кто перед ними – свой или чужой. Этикетный речевой жанр приветствия выступает тут первым, принято начинать коммуникацию с него. Авторы об этом пишут: «Приветствие – одно из проявлений вежливости, которое представляет собой форму взаимного уважения. В соответствии с принятыми в обществе нормами этикетного речевого поведения, приветствие в любой ситуации должно показывать расположенность и доброжелательность участников коммуникации. На характере приветствия не должно сказываться настроение или негативное отношение к другому человеку» [Рабенко, Черепанова, 2008: 176]. Далее в статье следует описание этикетных речевых

жанров приветствия и прощания «как определенных моделей речевого общения» [Рабенко, Черепанова, 2008: 174]. Исследователи отмечают особенности языкового воплощения этих речевых этикетных жанров в речи студентов. Ученые приходят к выводу о многообразии этикетных речевых формул приветствия и прощания, которые иногда могут искажаться и меняться в непосредственном общении между студентами: «система этикета внутренне неоднородна. При этом самой меньшей жесткостью и самой большой вариативностью характеризуется бытовой речевой этикет, который оказывается основанным не только на этикетных формулах; более того, в ряде случаев говорящие могут обойтись в разговоре и совсем без них, хотя при этом не будут преследовать никаких целей, кроме этикетных» [Рабенко, Черепанова, 2008: 177]. Однако, несмотря на вышесказанное, по нашему мнению, основной функцией речевых этикетных жанров «приветствие» и «прощание» остается та же – контактоустанавливающая, свидетельствующая о желании продолжить или завершить беседу. В другом исследовании – «Речевые жанры “приветствие” и “прощание” в современном немецком и русском языках» – В. Гладров отмечает, подтверждая этим слова Т. Г. Рабенко и Е. А. Черепановой, что подход к выбору этикетных речевых формул становится всё свободнее, однако диалогичность и контактоустанавливающая функция остаются: «Структура речевых жанров “приветствие” и “прощание” характеризуется диалогичностью. При встрече или при прощании адресат, как правило, повторяет дословно ту словесную формулу или, отчасти, ее синоним, которую произносил говорящий» [Гладров, 2014: 70]. В исследовании В. Гладрова сделан упор на сопоставительном анализе реализации этикетных речевых формул «приветствия» и «прощания», который зависит от «определенных ситуативно-коммуникативных критериев» [Там же]. Автор приводит эти критерии, выглядят они следующим образом: «1) личностные отношения между собеседниками, 2) социальный статус коммуникантов, 3) их возраст, 4) время суток, 5) региональный признак, 6) групповая принадлежность партнеров» [Там же]. Стоит обратить внимание на вывод

исследователя о реализации этикетных речевых жанров «приветствия» и «прощания»: «Средства выражения речевых жанров “приветствие” и “прощание” образуют функционально-прагматическое поле с центральными или прототипическими и периферийными формулами. Центральными реализациями являются прямые приветствия и прощания как Guten Tag! ~ Здравствуйте!; Auf Wiedersehen ~ До свидания! Периферийными формулами являются непрямые реализации приветствия и прощания, т.е. другие речевые жанры и высказывания, употребляющиеся в функции приветствия, как, например, вопрос о состоянии собеседника Wie geht’s? ~ Как дела? и пожелание в функции прощания Alles Gute! ~ Всего доброго!» [Гладров, 2014: 72]. В. Б. Черник в диссертационной работе «Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока» также считает, что «приветствие» и «прощание» следует относить к этикетным речевым жанрам. Об этикетном жанре приветствия исследователь пишет: «речевой жанр приветствия (РЖП), будучи фатическим, направлен на установление контакта между коммуникантами, обуславливающий обратную связь и эмоциональную динамику дискурса <…> задает тональность и обусловливает характер последующего дискурсивного развертывания» [Черник, 2002: 20]. Приветственные формы, по словам В. Б. Черник, реализуются: «с целью обмена эмоциональным состоянием с иллокутивной установкой на пожелание добра, заботы о собеседнике и установление деловых учебных отношений» [Черник, 2002: 22]. Далее исследователь приводит конкретные примеры этикетных формул приветствия, которые функционируют в учебном дискурсе: было зафиксировано 45 различных употреблений. Про этикетный речевой жанр «прощание» В. Б. Черник пишет, что он так же, как и приветствие, считается ритуализированным и создаёт коммуникативную рамку общения: «Прощание – это финальная ситуация общения, следовательно, имеет большое значение для выхода из контакта и прогнозирования будущих взаимоотношений» [Черник, 2002: 22]. И далее автор подчёркивает богатый набор стереотипов этикетного речевого жанра «прощание» в речи учителя.

Этикетный речевой жанр обращения также анализируется в диссертационном исследовании В. Б. Черник. Автор пишет, что «вступая в коммуникативный акт, мы с самого начала распределяем наши позиции: свою роль и роль собеседника. Для этого мы используем то или иное обращение» [Черник, 2002: 47]. Обращаясь к адресату по имени, фамилии, социальному статусу, профессии и т.д., мы хотим привлечь его внимание. Таким образом, В. Б. Черник заключает, что основная функция этикетного речевого жанра обращения – вокативная.

В исследовании А. И. Бирюлиной, А. П. Моисеева «Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения» авторы выдвигают определение этикетного речевого жанра «обращение»: «Обращение как жанр речевого этикета представляет собой слово или сочетание слов, называющее лицо, которому адресована речь» [Бирюлина, Моисеев, 2009: 223]. В диссертации «Эволюция русского речевого этикета: на материале художественной литературы XIX–XXI веков» А. И. Бирюлина рассматривает обращение в русле этикетного речевого жанра, отмечая его самостоятельность. Исследователь пишет, что этикетный речевой жанр обращения обладает достаточным количеством элокутивных средств, особенно стилистических фигур: «Для жанра обращений характерно преимущественное использование таких фигур прибавления, как анафора, эпифора, кольцо, гомеология, анадиплозис, геминация» [Бирюлина, 2009: 19].

Определение этикетного речевого жанра благодарности можно увидеть в статье С. В. Федосеевой «Речевой жанр благодарности», исследователь описывает его следующим образом: «Благодарственная речь (благодарность) – эпидейктическая (торжественная) речь, произносимая в ответ на добрые слова или дела. Она может произноситься как в торжественной официальной обстановке, так и в бытовом личном общении. Кроме того, благодарность может быть выражена и невербально, то есть с помощью действия или поступка» [Федосеева, 2013: 346–347]. В работе также отмечено: этикетный речевой жанр отличает то, что он «представляет собой

ответную реакцию на высказывания или действия, поэтому образует с ними “диалогическое единство”» [Там же]. С. Ф. Федосеева показывает, что для этикетного речевого жанра благодарности, как и для других этикетных речевых жанров, есть характерные устойчивые этикетные формулы, которые адресант речи выбирает в зависимости от коммуникативной ситуации: «Современные коммуниканты пытаются отойти от официальных формулировок и используют в речи чаще такие конструкции, как “спасибо”, “благодарю”, “кланяюсь в ноги”, реже – “выражаю благодарность”» [Федосеева, 2013: 353]. Лю Чжэньсин в работе «Особенности этикетного речевого жанра благодарности в русском и китайском языках» описывает этимологию некоторых устойчивых этикетных формул благодарности в русском языке, а также сравнивает их с китайским языком и приходит к следующему выводу: «Таким образом, речевой этикетный жанр благодарности в китайском языке отличается большей скромностью и отрицанием своих заслуг или успехов перед другими участниками ситуации» [Лю Чжэньсин, 2014: 174].

Одна из работ, в которых исследуется этикетный речевой жанр «совет», – это статья А. А. Соловьевой «Языковые средства выражения речевого жанра “совет” в современном английском языке». Автор определяет данный жанр так: «Совет представляет собой высказанное кому-либо мнение по поводу того, что следует делать в определенной ситуации, и является директивным речевым жанром, направленным на то, чтобы убедить адресата в целесообразности совершения определенного действия» [Соловьева, 2013: 191]. Фу Сяо о функционировании этикетного речевого жанра «совет» пишет в работе «Языковая репрезентация социально-ролевых отношений, говорящих в императивных речевых жанрах (на материале русских народных сказок)»: «Речевой жанр совета используется в коммуникативных ситуациях асимметричного и симметричного типа; совет исключает категоричность, давление на адресата волей говорящего. При совете говорящий сообщает адресату, что он хочет, чтобы адресат это сделал, и часто уверен, что он так

сделает» [Фу Сяо, 2010: 22]. В связи с изучением этого и других речевых жанров Фу Сяо пишет о том, что исследование таких речевых жанров как совет, приказ, предложение, просьба «представляется перспективным в дальнейшей работе в контексте создания энциклопедии речевых жанров дискурса речевого этикета» [Фу Сяо, 2010: 5]. Важным в отделении речевого жанра «совет» от смежных с ним жанров, исходя из работы Н. И. Формановской, становится то, что действие, которое следует совершить адресату, будет более полезно для него, нежели для адресанта (по мнению автора совета). Таким образом, совет рассматривается как этикетное явление.

В книге «Речевой этикет в русском общении» Н. И. Формановской, в которой рассматриваются этикетные явления, есть упоминание и об утешении. Однако данный речевой жанр будет подробнее рассмотрен в следующем параграфе, так как он является объектом нашего изучения.

В диссертационной работе «Речевой жанр “просьба” в современной русской коммуникации» Дехган Халили Можде представляет нам определение этого жанра, подтверждающее теорию А. А. Акишиной и Н. И. Формановской о том, что данный речевой жанр также является этикетным: «в ней [просьбе] выражаются самые необходимые нужды, потребности и желания человеческого бытия <…> Просьба – речевой жанр, который использует разноуровневые средства выражения и формы представления, имеет коммуникативно-прагматические разновидности, организуется принципами вежливости и/или дипломатичности; в бытовой сфере общения зависит от конкретных социальных факторов (гендерных, возрастных и др.) и целевой коммуникативной установки, а в деловой сфере имеет клишированную форму изложения, строго фиксированную структуру (в письменной речи) и предполагает обязательную ответную реакцию (“в устной речи – вежливый и/или дипломатичный / невежливый ответ; в письменной речи – наложение резолюции и, как результат, выход приказа”)» [Дехган, 2015: 3, 7]. Установка на вежливость и этикетные речевые формулы – основные механизмы для успешного использования данного

этикетного речевого жанра. Далее в исследовании приводятся примеры этикетных формул. В другой работе исследователя Ю. Юань, где просьба также рассматривается как этиктеный речевой жанр, приводится сопоставительное описание просьбы в русском и китайском языках. В статье «Сопоставительное описание этикетного речевого жанра просьба в русском и китайском языках» Ю. Юань приходит к выводу о том, что этикетный речевой жанр просьбы, как и другие жанры, имеет свою национальную специфику: «и в первую очередь требует соблюдения вежливости в соответствии с культурными традициями, принятыми в конкретном обществе» [Юань, 2011: 185].

Этиктеный речевой жанр «соболезнование» рассматривается в диссертации Ю. В. Казачковой «Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект)». В работе автор определяет особенности данного этикетного речевого жанра: «С точки зрения языкового воплощения исследуемые речевые жанры характеризуются сочетанием речевых стереотипов/устойчивых фраз и экспрессии. Стереотипность в большей степени свойственна жанру “соболезнование” как этикетному жанру, появляющемуся в ритуализованной ситуации» [Казачкова, 2006: 4]. Более того, было отмечено, что при выражении соболезнования коммуниканты используют общекультурные нормы для достижения успешной коммуникации. Исследуются также вербальные и невербальные формы выражения соболезнования в русском и английском языках. Е. А. Митина в статье «Речевой жанр “соболезнования” в русской лингвокультуре» также относит данный речевой жанр к этикетным, поскольку соболезнование направлено на выполнение определенного социального акта, ритуала, исследователь характеризует его так: «Соболезнование можно назвать реактивным жанром с перфектной перспективой, так как оно появляется в речи как реакция на печальное событие (смерть человека), которое предшествует жанру по времени возникновения. Кроме того, соболезнование, как этикетный жанр, требует обязательной ответной реакции адресата –

благодарности за участие» [Митина 2012: 56]. Автор приходит к выводу о том, что при соболезновании адресат пытается поддержать адресанта сообщения, используя этикетные речевые формулы, которые могут дополняться или видоизменяться в зависимости от речевой ситуации и отношений между коммуникантами.

Предложение как этикетный речевой жанр Т. В. Тарасенко в диссертации «Этикетные жанры русской речи» относит к группе этиктеных речевых жанров-реакций с футуральной перспективой. Фу Сяо в своём диссертационном исследовании, о котором было упомянуто выше, также относит предложение к этикетным речевым жанрам. Л. Р. Дускаева, Н. А. Корнилова в статье «Этикетные речевые жанры в газетном дискурсе» рассматривают предложение наравне с теми этикетными речевыми жанрами, о которых было написано ранее. Особенностью этикетного речевого жанра предложения авторы определяют контактоустанавливающую функцию.

Этикетный речевой жанр «извинение» входит в концепцию речевого жанра Т. В. Шмелевой. Главным жанрообразующим признаком извинения Т. В. Шмелева считает коммуникативную цель – получение прощения. Адресант признает свою вину: он сделал нечто плохое по отношению к адресату. Для того чтобы исправить негативную ситуацию, адресант может с помощью этикетных речевых штампов показать, что сожалеет. Т. Г. Рабенко в статье «Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации» относит извинение к этикетным речевым жанрам, отмечая их ритуализированность, об этом она пишет: «Высказывания-извинения входят в класс ритуальных высказываний, объединённых общей коммуникативной целью – регуляция межличностных отношений: адресат негативно оценивает поведение говорящего и предполагает, что другой участник ситуации ответственен за его отрицательное состояние. Согласно этикету, говорящий, став (вольно или невольно) инициатором негативного действия, должен извиниться» [Рабенко, 2012: 84]. Далее исследователь отмечает лексические маркеры этикетного речевого жанра извинения, например, перформативные

глаголы *извини/те, прости/те,* и анализирует семантическое наполнение этих глаголов. Т. Г. Рабенко также выводит речеповеденческие тактики, характерные для этикетного речевого жанра «извинение»: «Извинение, являясь элементом общего сложного механизма этического общения, располагает значительным арсеналом языковых (вербальных/ невербальных) средств реализации, важно лишь выбрать наиболее уместное, приемлемое выражение из того множества форм, которым обладает наш язык» [Рабенко, 2012: 88].

Следующий этикетный речевой жанр – это поздравление. Ссылаясь на работу М. Ю. Федосюка, можно отметить, что коммуникативной целью поздравления «является усиление положительного эмоционального состояния адресата» [Федосюк, 1996: 80]. Поздравлению посвящена работа Т. В. Тарасенко «Этикетные речевые жанры: опыт описания (на примере описания жанра поздравления)», где автор отмечает, что основным выражением данного жанра является глагол *поздравляю*: «Перформативный глагол *поздравляю* является канонической формой поздравления. Полная реализация жанра поздравления предполагает речевое действие (поздравляю) и сообщение о событии-поводе <…> практически любые слова, произнесенные в ситуации поздравления, могут стать содержательным эквивалентом формулы поздравления» [Тарасенко, 2002: 287]. В статье С. А. Кузнецовой «Поздравления и пожелания как этикетный речевой жанр в эпистолярном наследии А. П. Чехова» сказано о том, почему поздравление также является этикетным жанром (он обладает своими стереотипными этикетными речевыми формулами): «В самом деле, поздравление приобрело “твердые формы”: при стереотипной тематике оно имеет жесткую структуру (обращение, поздравление по поводу, пожелания, подпись) и набор клишированных языковых средств. Задачей говорящего обычно представляется создание вариаций известного образца, а сверхзадачей – импровизаций на заданную тему с использованием набора условных риторических приемов (гипербола, антитеза, метафора и др.) и традиционных

языковых средств. В результате творческое изобретение мысли стереотипизируется и распространяются живучие поэтические клише» [Кузнецова, 2017: 20]. Исследователь также приводит лексическое разнообразие тропов и фигур, которыми наполнены поздравления в эпистолярии А. П. Чехова.

Другой этикетный речевой жанр, который выделяют А. А. Акишина и Н. И. Формановская, – это согласие/несогласие. А. В. Рогожкина в работе «Формулы дипломатического речевого этикета со значением согласия/несогласия в дипломатических текстах XVI–XVII веков» напрямую не называет согласие/несогласие этикетными речевыми жанрами, но рассматривает их в русле функционирования речевого этикета, называя согласие как позитивную вежливость, а несогласие – как негативную, выделяя основные этикетные речевые формулы на материале дипломатических текстов XVI–XVII веков.

Таким образом, была сделана попытка выделить и охарактеризовать этикетные речевые жанры на базе книг А. А. Акишиной, Т. И. Формановской. Задача этикетных речевых жанров, включающих в себя устойчивые этикетные речевые формулы, установить речевой контакт с собеседником, закончить коммуникацию, помочь с эмоциональным состоянием. Этикетные речевые жанры имеют сильные национально-специфические правила, применяемые в ситуации вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности, которая соответствует обстановке общения. Другая языковая особенность этикетных речевых жанров – это перфомативы. По словам Т. В. Шмелевой, перфомативами называют «высказывания, представляющие собой речевые поступки» [Шмелева, 2014: 539]. Стоит также отметить, что в словарной статье в качестве примеров перфомативов Т. В. Шмелева приводит приветствие, извинение, благодарность, то есть этикетные речевые жанры.

1.1.3. Речевой жанр «утешение» и речевой этикет

Как уже было упомянуто ранее, А. А. Акишиной и Н. И.Формановской утешение рассматривается как этикетный речевой жанр, мы будем следовать за этим утверждением. Существование в русском языке обширной группы единиц сочувствия и утешения и их активное функционирование Н. И. Формановская объясняет тем, что образ мыслей русских людей, их мировосприятие, культура общения «допускают жалобу человека на то, чем он недоволен в своей жизни и в себе самом»; это, в свою очередь, предопределяет уверенность во взаимопомощи и ожидание утешения [Формановская, 2009: 304]. Н. Х. Керасиди в работе «Жанр утешения в древнегреческой литературе» подчёркивает, что утешение уже в античной литературе выстраивалось по определенным этикетным формулам: «Утешительное послание Псевдо-Плутарх строит по правилам ораторского искусства, соблюдая трехчленную композицию: введение, главная часть и заключение. По ходу изложения автор выделяет основные вопросы, вокруг которых группирует аргументы. В качестве иллюстративного материала Псевдо-Плутарх привлекает древние легенды, пословицы, ссылается на классическую греческую литературу, приводит исторические примеры» [Керасиди, 1990: 136]. М. Ю. Федосюк интерпретирует этикетный речевой жанр «утешение» путем анализа жанрообразующих признаков, выделенных Т. В. Шмелевой. Согласно его интерпретации, «коммуникативная цель жанра “утешение” состоит в ослаблении или устранении отрицательного эмоционального состояния, в котором находится адресат. Концепция автора предполагает, прежде всего, что говорящий не является (или, во всяком случае, не считает себя) причиной огорчения адресата, а, кроме того, что этот говорящий лично заинтересован в достижении упомянутой выше коммуникативной цели» [Федосюк 1996: 80]; «концепция автора подразумевает, что адресат расстроен из-за каких-либо ситуаций или события, однако в принципе способен подчиниться воздействию, направленному на

улучшение его эмоционального состояния» [Федосюк 1996: 80]. Утешение является, по мысли М. Ю. Федосюка, комплексным речевым жанром: «содержит, с одной стороны, явное или косвенное побуждение, призывающее адресата не переживать, а с другой – аргументативное сообщение, обосновывающее это побуждение» [Федосюк, 1996: 81].

Т. Г. Рабенко в работе «Жанр *утешение* и средства его языковой реализации» рассматривает языковые средства, реализующие речевые тактики жанра утешения, которые преследуют цель – улучшение эмоционального состояния адресата. Т. Г. Рабенко отмечает, что речевой жанр «утешение» является «одним из наиболее востребованных в русском коммуникативном поведении» [Рабенко, 2012: 107], так как данный этикетный речевой жанр напрямую связан с человеческими отношениями и эмоциональным состоянием. Исследователь выделяет двенадцать речевых тактик, через которые репрезентируется речевой жанр «утешение», фактологической базой анализа Т. Г. Рабенко «являются произведения отечественной художественной литературы преимущественно XIX – XX вв. (всего около 500 контекстов)» [Рабенко, 2012: 107]. Первая речевая тактика, которую выделяет ученый, – это «со временем всё наладится», которая реализуется с помощью «группы глаголов с общей семантикой благополучного исхода события: “наладится”, “образуется”, “обойдется” …, а также синтаксических конструкций с подобным значением: “всё … будет хорошо”, “о'кей”, “в порядке”, “(идет) к лучшему” и т. п.» [Рабенко, 2012: 108]. Другая речевая тактика утешения – «Значение события не следует преувеличивать», которая должна помочь эмоциональному состоянию адресата, – реализуется в работе Т. Г. Рабенко следующим образом: «актуализируется посредством ЛСГ глаголов:

1. Интеллектуальной деятельности:

1.1. “Преувеличивать/преувеличить” (возможно с отрицанием);

1.2. Решения: “придумывать/придумать” и т. п.;

2. Созидательной деятельности: “выдумывать/выдумать” и т. п.

В арсенале средств реализации этой РТ:

а) существительные с общей семантикой “ошибочное, неполное, неправильное понимание чего-л.”: “недоразумение”, “ошибка” и т. д.: …ничего страшного не произошло, все выяснится;

б) конструкции со значением неосновательности, преувеличения происходящего события: “напрасно вы так”, “тебе ведь лучше” и т.п.;

в) словосочетания, номинирующие события более трагические, на фоне которых происшедшее событие является незначительным: “не на войну”, “не покойник на столе” …» [Рабенко, 2012: 108]. Следующая речевая тактика в работе ученого – это «Говорящий предлагает/обещает помочь адресату», которая также эксплицируется за счет лексико-семантической группы глаголов, таких как: «глаголов понимания “разбираться/ разобраться”; глаголов мышления “думать/подумать”; глаголов решения “придумывать/придумать”; глаголов помощи “помогать/помочь”; глаголов обеспечения “устраивать/устроить”» [Там же]. Т. Г. Рабенко выделяет речевую тактику «Проблемы есть не только у адресата», где тот, кто утешает, обращает внимание адресата на то, что у других людей могут быть проблемы серьезнее: «у меня горе похуже; я сам (-а)…; мне тоже нехорошо (плохо)…» [Там же]. Кроме того, адресант может упоминать про типичность проблем или опираться на собственный опыт. Речевая тактика «Надежда на божью помощь» в исследовании Т. Г. Рабенко актуализируется с помощью лексических конструкций, в которые входит лексема «Бог». Отмечается ученым и такая речевая тактика, как «Событие имеет и положительные стороны», при которой говорящий стремится найти что-то хорошее в сложившейся ситуации, употребляя такие союзы, как «зато», «но», «однако» и др. При использовании речевой тактики «Виновник события не заслуживает внимания» Т. Г. Рабенко отмечает, что может быть употреблена разговорно-сниженная лексика. Самая объёмная по наполнению речевая тактика в работе исследователя – это следующая: «Событие уже произошло и ничего изменить нельзя», которая реализуется множеством глаголов лексико-семантической

группы: «Изменения качественного признака “изменять/изменить”, возможно, в сочетании с местоименным существительным *ничего*, усиливающим отрицание; становления эмоционального состояния “смиряться/смириться”, “примиряться/примириться”; социальных отношений: в частности, глаголами помощи “помогать/помочь”, возможно, с отрицанием… В указанной тактике фигурирует лексема “судьба”: “участь, доля, жизненный путь” – и синонимичные ей единицы» [Рабенко, 2012: 109]. Т. Г. Рабенко упоминает в исследовании такую тактику: «Говорящий призывает адресата к терпению», в которой используются такие глаголы, как «терпеть, вытерпеть, перетерпеть» и др. При утешении говорящим может использоваться речевая тактика: «Событие типично и потому неизбежно», или адресант может следовать тактике: «Говорящий предлагает адресату забыть о случившемся» [Рабенко, 2012: 110]. Последняя речевая тактика, которую выделяет ученый: «Говорящий предлагает адресату выплакаться», так как это должно помочь человеку облегчить страдания.

Кан Сын Мин в работе «Формы выражения толерантности в русском речевом общении» предлагает ситуативную классификацию форм выражения утешения, которые, по мнению ученого, типизированы: «1) формы утешения, сопровождаемые выражением понимания; 2) формы утешения, сопровождаемые выражением обнадеживания; 3) формы утешения, сопровождаемые выражением поддержки; 4) формы утешения, сопровождаемые объяснением ситуации; 5) формы утешения, сопровождаемые выражением отказа» [Кан Сын Мин, 2010: 15]. Автор исследования отмечает, что толерантные формы выражения утешения функционируют в различных ситуациях с разной степенью активности: «Имплицитное выражение утешения используется часто в комплексе ситуаций и в сочетании разных значений. В связи с этим при исследовании функционирования этих форм надо обращать внимание на соотношение предшествующих и последующих реплик диалогического единства» [Кан Сын Мин, 2010: 16].

Особенности утешения в русской церковно-религиозной культуре изучаются А. Н. Смолиной. В частности, результаты рассмотрения функционирования данного жанра представлены в статье «Речевой жанр утешения в эпистолярном церковно-религиозном общении (на материале писем русских церковных писателей-монахов XX века)». О роли идеи утешения в христианстве автор говорит: «Важность идеи утешения в христианской культуре связывается также с тем, что в общении верующих утешение как коммуникативное действие становится и желательным, и должным, и, как показывает анализ писем церковных писателей-монахов, часто совершаемым» [Смолина, 2018: 37]. Исследователем выделяется особый тип речевого жанра утешения – духовное утешение. Данное жанровое явление выделяется на основе анализа идейного содержания и изучения языковых средств. Рассматривая специфику утешения в эпистолярном церковно-религиозном общении, ученый показывает содержательные и языковые отличия христианского утешения, обусловленные теоцентристским мировоззрением авторов, следованием религиозно-философскому учению исихазма. Изучение трудов, посвященных христианству, анализ писем церковных авторов своим ученикам, дают А. Н. Смолиной возможность продемонстрировать, что в христианской культуре существует особый взгляд на природу утешения: облегчение страданий, истинное утешение могут прийти только от Бога. На основе привлекаемого языкового материала также делаются выводы о том, что этикетные единицы, в которых воплощаются идеи исихазма, становятся стилистическим маркером духовных утешений.

1.2. Православное монашество как культурный и религиозный феномен

Монашество представляет собой одно из интереснейших явлений культуры общества. В православной энциклопедии мы можем прочитать следующее определение: «Монашество – в христ. традиции особый образ

жизни, имеющий целью достижение спасения и наиболее полное воплощение в жизни евангельского идеала, при котором христианин посвящает свою жизнь молитве, исполнению евангельских заповедей и борьбе со страстями, при этом удаляется от мира, т.е. отказывается от богатства, семьи и, как правило, переселяется на жительство в монастырь. Монашество практикуется как отдельными лицами, так и группами людей, предполагает особую форму посвящения – постриг с принятием обетов послушания, нестяжания и целомудрия, а также подчинение определенному уставу монашеской жизни» [Ткачев, 2014: 567]. Что отличает монашество от других форм аскетизма – это тенденция к удалению от мира и общества, которая в той или иной степени наблюдается в жизни монахов или монашеских общин. В середине IV века отделенность от окружающего мира, от социума и поиск уединения стали восприниматься как необходимые условия монашеского образа жизни. Характеристиками монашества являются также целомудрие, аскетическое упражнение наряду с молитвой, постом, бдением, физическим трудом. В монашеской литературе жизнь монахов нередко уподобляется жизни ангельской, поскольку монахи, подобно ангелам, посвящают большую часть времени общению с Богом в молитве.

И. К. Смолич в работе «Русское монашество 988–1917» отмечает важность этого социального института в том, что на Руси монахи несли народу образование и культуру. Именно монахи были одними из первых, кто разрабатывал и развивал грамоту на Руси. И. К. Смолич, Н. В. Синицына и Е. В. Романенко считают, что период до начала XVI века – это целостная эпоха как во внутренней, так и во внешней истории монашества, где происходит расцвет эпохи русского монашества. Н. В. Синицына и Е. В. Романенко связывают этот период, а особенно 2 половину конца XIV века, с восстановлением церковных связей с Византией. Эту эпоху называют временем «второго южнославянского влияния», «вторым знакомством Руси с Византией». В это время в православных монастырях наблюдается активная деятельность: «Переводческая работа, проведение литургических и устных

реформ, паломничества в Константинополь, путешествия иконописцев, дипломатов и церковных деятелей – все это были каналы проникновения на Русь идей и настроений византийской цивилизации, причем использовались они намного активнее, чем в предыдущие два столетия» [Мейендорф, 2000: 421]. Идеи исихазма, «умного делания», получившего на Руси название «безмолвия», определили духовные искания эпохи: «Монахи покидали города и уходили в лесные пустыни, где созидались монастыри нового типа, жизнь в которых определялась стремлением к духовному подвигу и строгим общежительным уставом» [Синицина, Романенко, 2014: 617].

И. К. Смолич даёт подробную характеристику всех этапов становления монашества в нашей культуре. Важно отметить, что отличительной чертой православного монашества на Руси является влияние на него государства, как пишет автор: «монастыри оказывались вовлеченными в национально-политическую и культурную жизнь страны. Представители монашества находились в живом и почти непрерывном общении с миром. Это не прошло бесследно для внутреннего развития монастырского уклада. <…> Взаимоотношения между государством и Церковью на Руси всегда имели исключительное значение, и эти взаимоотношения постоянно так или иначе отражались на жизни монашества, на его воззрениях, зачастую вовлекая духовные силы иночества в такие движения, которые не соответствовали монашескому идеалу» [Смолич, 1999: 6].

Е. В. Ткачев в работе говорит о том, что благодаря монашеской литературе в IV–VI вв. сформировалась система и терминология христианской аскетики. Выработанные монахами рекомендации по борьбе со страстями и стяжанию добродетелей стали духовным ориентиром не только для монахов, но и для всех христиан. Более того, благодаря монастырским библиотекам до нас дошел корпус сочинений святых отцов и учителей церкви. Е. В. Ткачев выделяет 7 основных форм монашеской жизни: «1) институт посвященных дев и вдов в ранней Церкви (самое раннее); 2) странствующие монахи;3) отшельничество; 4) аскетические школы; 5) частная аскеза; 6) общежитие; 7)

лавра…Формой отшельничества можно считать затворничество в келье в общежительном монастыре или рядом с ним, а также столпничество. Изолированность аскетов от мира не всегда исключает общения между собой, духовного руководства, ученичества [Ткачев, 2014: 576–577]. Самой распространенной и устойчивой формой монашества стало общежитие: «Не исключено, что общинный принцип организации монашеской жизни мог быть заимствован из традиции аскетических школ или явился поздним этапом развития частного аскетизма. Для общежития характерно наличие иерархически структурированной общины, каждый член которой следует общему уставу, регулирующему распорядок дня, совместную молитву, труд, распределение обязанностей, порядок владения общим имуществом, характер отношения с внешним миром. В отличие от школьной или частной аскезы, допускающих определенную степень свободы, общежитие формально более регламентировано и накладывает больше ограничений» [Ткачев, 2014: 577–578].

Внутреннее устройство монастырей подробно описано в книге митр. Макария (Булгакова) «История Русской Церкви». Митрополит отмечает, что монастыри различались между собою по своей зависимости от высших властей, по значению своих настоятелей, по взаимному отношению друг к другу, по внутреннему устройству: «Монастыри управлялись одни игуменами, другие архимандритами» [Макарий (Булгаков), 2008. URL: https://www.sedmitza.ru/lib/text/435897/]. Настоятели обыкновенно избирались монастырским собором, но могли назначаться и епархиальным архиереем, если монастырь от него зависел. Настоятели знатнейших монастырей утверждались в своей должности, а иногда и назначались самим царём. Без благословения настоятеля ничего не могло быть предпринято монастырём, но он должен был совещаться с собором. Священнослужитель отмечает также, что монастыри разделялись на общежительные и необщежительные. Но иногда монастыри могли находиться под покровительством князей, царя, митрополита или архиереев из других епархий. Митрополит Макарий

приводит примерный свод правил, устав святого Василия Великого, Иоанна Лествичника и других богоносных отцов; ссылается на житие преподобного Кирилла Белоезерского, где находим такие заметки о введенном им уставе: «Был устав блаженного Кирилла, чтобы в церкви никто не беседовал с другим и не выходил из церкви прежде конца, а все стояли по уставленному чину и внимали славословию. Равно все подходили к Евангелию и для поклонения святым иконам согласно с уставом, по старшинству, чтобы не произошло замешательства…» [Там же]. Митрополит пишет об основных целях монашеской жизни и о том, к чему должен стремиться монах – конечно, это стремление в изучении воли Божией, в усвоении её и в покорности.

Монастыри имели большое религиозно-просветительное значение в истории России. Основание монастырей служило одним из лучших средств для колонизации незаселённых местностей. Пустынножители избирали обыкновенно для своего поселения места, удалённые от других населённых пунктов. Иногда это даже были места, где могли быть не самые лучшие климатические условия. Вокруг церкви, монашеской кельи рано или поздно начинало увеличиваться население, в итоге мог возникнуть посёлок, разраставшийся впоследствии в крупное поселение. Город Устюг, например, возник возле Гледенского монастыря, Ветлуга – около Варнавинского, Кашин – около Калязинского.

1.3. Религиозно-философские основы изучения функционирования речевого жанра «утешение» в духовном эпистолярии русских писателей-монахов

1.3.1. Монашеская словесность как феномен русской культуры

Речевой жанр «утешение», рассматриваемый в рамках духовного письма, опирается на православный этикет, который, в свою очередь, связан с особым теоцентрическим восприятием мира верующим человеком.

И. В. Бугаева в статье «Речевой этикет в сфере религиозной коммуникации» пишет: «... речь верующего человека, а, следовательно, языковая картина отличается от речи атеиста, что обусловлено различием мировоззрений, противопоставлением теоцентрического и антропоцентрического отношения к действительности» [Бугаева, 2006: 44]. Но при этом, если рассматривать духовные письма как часть эпистолярного жанра, можно отметить и влияние светской культуры на церковные письменные сообщения. В статье «Православный этикет» А. В. Зеленин упоминает: «следует заметить, что они [письменные сообщения] испытали значительное влияние светских эпистолярных посланий» [Зеленин, 2005: 81]. Автор статьи также отмечает, что существует ряд формул вежливости, который отличает духовное письмо от светского: «Христос воскресе! И заканчиваться Воистину Христос воскресе! (причем важную роль играют также параграфемные средства: данные слова следует писать красным цветом в напоминание о крови Иисуса Христа» [Зеленин, 2005: 82]. Говоря об адресате духовных писем, можно отметить, что это «верующий человек, идущий под руководством наставника по пути стяжания христианских добродетелей и спасения души, определяет содержание духовного письма в целом и особенности тех речевых жанров, которые являются его составляющими» [Смолина, 2016: 173]. Автором утешения может быть духовный наставник, монах, старец, помогающий ученику справиться с горем, трудностями.

Проблема роли монахов в развитии русской словесности была обозначена иеромонахом Симеоном Томачинским. Для того чтобы выделить вклад монастырей в распространение книжного знания, автор перечисляет произведения, написанные монахами Древней Руси: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повесть временных лет» Нестора Летописца, «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Еразма. Большое значение имела работа монахов в составлении научных книг. Первая славянская грамматика была написана Мелетием Смотрицким в

1618 году. Иеромонах отмечает вклад Мелетия в развитие русской филологии: «Мелетий впервые зафиксировал и описал систему падежей, свойственную славянским языкам, установил два глагольных спряжения и сделал целый ряд других лингвистических открытий, определивших развитие славянской филологии на несколько столетий» [Томачинский, 2013. URL: http://www.pravoslavie.ru/65647.html]. Первым в России поэтом был иеромонах Симеон Полоцкий; его ученики монах Сильвестр и иеромонах Картон Истомин были известны своей литературной деятельностью и развитием книгопечатания. Священнослужитель подчеркивает значимость деятельности архиепископа Феофана Прокоповича: «Феофан Прокопович писал стихи на русском, латинском и польском языках, создал трагикомедию “Владимир” – значительное для своего времени произведение, сюжет которого взят из русской истории» [Там же]. Влияние монашества на русскую культуру описано в работе А. В. Моргачевой «Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий». Автор пишет о том, что монашество не просто повлияло на сегменты русской культуры, но на ее основную часть. Влияние это обусловлено тем, что монашество выполняло в русском обществе разнообразные функции: «воспитательную, просветительскую и психотерапевтическую, формирования культурных ценностей, сохранения культурных традиций; утверждения моральных устоев и национальных идеалов» [Моргачева, 2011: 23]. Автор сравнивает католическое и православное монашество, отмечая, что последнее было духовным. Эта духовность и составляет основу универсалий русской культуры: «В духовной жизни русского монашества отчетливо прослеживались такие компоненты, как религиозный опыт, самосовершенствование, аскетизм и милосердие, которые под влиянием православного монашества стали базовыми универсалиями русской культуры» [Там же]. Исследователь упоминает и о том, что эти универсалии развивались как внутри монашества, так и вне его. Значение монашества для формирования

нравственных ценностей отмечает Н. А. Хафизова в работе «Монашество: социально-философский анализ», исследователь об этом пишет: «Ставя своей задачей спасение, монашество актуализирует значимость духовных ценностей. Следует признать, что содержание таких категорий, как свобода, добро, красота, истина, любовь, творчество, труд, аскеза – религиозно мистифицировано, оторвано от реалий социума, но вместе с тем понимание ценностей отражает реальный уровень развития общественного сознания» [Хафизова, 2002: 142].

1.3.2. Идейное содержание монашеской словесности в ее отношении к религиозно-философскому учению исихазма

Основные аспекты учения исихазма рассматриваются в работах протоиерея Иоанна (Мейендорфа). В докладе «О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы 14 века» И. Ф. Мейендорф даёт несколько определений исихазма. Ранний смысл этого понятия указывает на «созерцательную, отшельническую форму жизни христианского монашества, возникшую в Египте, Палестине и Малой Азии в конце III и особенно в начале IV в» [Мейендорф, 1974: 291]. В современной науке понятие «исихазм» часто определяют как творение «Иисусовой молитвы», которая является ежедневной духовной практикой, связанной с постоянным обращением к Иисусу Христу. Термин «исихазм» также употребляется как синоним понятия «паламизм», который, по словам И. Ф. Мейендорфа, представляет собой систему «богословских понятий, выработанной Григорием Паламой в процессе его полемики с Варлаамом, Акиндином и другими противниками» [Там же]. Ещё один смысл понятия «исихазм» связан с «политическим исихазмом», который И. Ф. Мейендорф определяет следующим образом: «социальная, культурная и политическая программа, проводимая в XIV в. видными византийскими деятелями и широко распространившая свое влияние в славянских странах» [Там же].

Целью исихазма является личное об***о***жение – преображение, связанное с приближением к богу и достигаемое с помощью внутренней молитвы и постоянного контроля над собственными помыслами. В. О. Моргачев в работе «Исихазм: культурный смысл» рассматривает исихазм в связи с древнерусской литературой. Автор пишет о том, что первооснова литературы, церковнославянский язык, рассматривался монахами как божественное откровение. Создатели этого языка – Кирилл и Мефодий – приступили к работе только после «самоочищения постом и молитвенного делания» [Моргачев, 2002: 105]. Таким образом, автор отмечает влияние исихазма на Кирилла и Мефодия: «исихазм был присущ не только монаху-молитвеннку Мефодию, но также и полемисту-проповеднику Константину-Кириллу» [Там же].

В работе «Исихастское учение в культуре Киевской Руси. Переводные произведения Ефрема Сирина и особенности их восприятия» С. М. Шумило рассматривает литературу исихазма в связи с духовными практиками: «…и Симеон Новый Богослов, и Григорий Синаит, и Григорий Палама, и Иоанн Лествичник, и Авва Дорофей указывают на необходимость сердечного очищения, глубочайшего проникновения в слова молитвы, оставления всякого «житейского попечения», борьбу с помыслами, сосредоточение внимания в сердце и проч.» [Шумило, 2009: 136]. Автор также отмечает ещё одну составляющую учения исихазма: «Исихазм развил представления об умственной и сердечной деятельности человека в цельное учение о «низведении ума в сердце» [Там же]. Проблема влияния исихазма на монашескую словесность поставлена в статье А. Н. Смолиной «Русская монашеская литература XX века: особенности идейного содержания и языка произведений (на материале эпистолярной прозы)». Исследователь пишет о том, что «Одно из наиболее важных отличий литературы русского монашества (определяющее и многие иные отличия) – следование традициям исихазма в восприятии и отображении действительности» [Смолина, 2017: 454] Автор упоминает о главенстве идеи об***о***жения в рамках

исихастского учения: «в письмах монахов к ученикам и священнослужителям самыми значимыми в смысловом отношении становятся слова Бог, Господь, Святой Дух, Иисус, Христос, Божий, Божественный, Спаситель, Богородица, Матерь Божия, душа, вера, а также родственные им слова» [Там же]. Говоря об идее об***о***жения, нельзя не упомянуть об идее спасения. В узком смысле спасение – это удаление от греха, духовное самосовершенствование, в широком смысле – избежание ада, обретение Царства Божьего. О связи идеи спасения с монашеской литературой А. Н. Смолина говорит: «Спасение души – это та идея, которая получает развитие в дневниках, воспоминаниях, письмах, житиях, путевых заметках, рассказах, стихах. Забота о личном и всеобщем спасении проявляет себя в языке произведений. Слова “спасение”, “спасайся”, “спасайтесь” – одни из наиболее употребительных» [Там же]. Протоиерей Димитрий (Конюхов) о данном учении пишет: «Исихазм… особое учение и практическое руководство, настраивающее человека на стяжание Святого Духа и об***о***жение души и тела. Цель исихазма – освобождение личности от груза неподлинного… преображение человека по образу Иисуса Христа» [Димитрий (Конюхов), 2012: 213]. Таким образом, можно утверждать, что исихазм имел значительное влияние на монашескую словесность, а исихастские идеи напрямую связаны с содержанием духовных писем и других произведений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Н. И. Формановская дала мощный толчок к изучению речевого этикета. Вслед за ней под речевым этикетом мы понимаем: «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская, 2004: 57]. Целью речевого этикета является достижение акта успешной коммуникации.

В главе 1 также была произведена попытка определить и описать корпус этикетных речевых жанров. В данной работе, как и Т. В. Шмелева, под речевым жанром мы понимаем «особую модель высказывания, которая имеет определенные жанрообразующие признаки и является результатом речевого действия» [Шмелева, 1997: 88]. Соответственно, этикетный речевой жанр отличает особая коммуникативная цель: «осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума» [Шмелева, 1997: 91]. Вслед за А. А. Акишиной и Н. И. Формановской к этикетным речевым жанрам нами были отнесены: приветствие, прощание, обращение, благодарность, совет, утешение, просьба, соболезнование, предложение, извинение, поздравление, согласие/несогласие.

В ходе анализа теоретической литературы стало ясно положение речевого жанра «утешение» в теории этикетных речевых жанров. Утешение на протяжении многих веков остается важнейшей частью этической и этикетной культуры разных народов. Данному явлению межличностных отношений посвящены работы многих современных исследователей, по большей части лингвистов и психологов. Однако нельзя сказать, что утешение как коммуникативное действие и речевой жанр изучено всесторонне, тем более нельзя считать, что результаты изучения активно внедряются в практику, например, при обучении студентов и учащихся школ.

В теоретической главе была представлена идея о том, что монастыри и монашеская культура имели большое религизно-просветительское влияние в истории России, начиная с церковных школ и заканчивая библиотеками, в которых могли сохраняться экземпляры уникальных книг.

Аналитический обзор по теме исследования показал, что духовное письмо является частью эпистолярного жанра и имеет форму послания от духовного учителя к ученику с целью наставления. Таким образом, жанр духовного письма, воспринятый из Византии, получил свое развитие в России в творчестве писателей (в частности, Н. В. Гоголя) и в посланиях монахов (Оптинская пустынь). Духовные письма позволяют взглянуть на эпоху глазами современников, а также раскрывают духовную жизнь и историю внутреннего самосовершенствования. Е. В. Бугаева выделила теоцентризм как основную особенность церковной литературы, А. В. Зеленин обозначил отличия светского письма от духовного; А. Н. Смолина рассмотрела духовное письмо с позиции адресата и автора. Были также изучены работы по монашеской словесности, особенно значимым является доклад Симеона Томачинского. Безусловно, идейное содержание духовных писем связано с учением исихазма, основные аспекты которого были рассмотрены в работах Иоанна (Мейендорфа).

ГЛАВА 2. РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В ЭПИСТОЛЯРИИ ПИСАТЕЛЕЙ-МОНАХОВ

1.1. Духовное утешение: общая характеристика

На частую употребляемость единиц утешения в русской коммуникации указывает Н. И. Формановская в книге «Речевой этикет в русском общении». Существование в русском языке обширной группы единиц сочувствия и утешения и их активное функционирование автор объясняет тем, что образ мыслей русских людей, их мировосприятие, культура общения «допускают жалобу человека на то, чем он недоволен в своей жизни и в себе самом»; это, в свою очередь, предопределяет уверенность во взаимопомощи и ожидание утешения [Формановская, 2009: 304]. Утешение входит в круг наиболее значимых в идейном отношении этикетных речевых жанров эпистолярного церковно-религиозного общения, поскольку в православии идея утешения является одной из главных. В «Библейской энциклопедии Брокгауза» об утешении читаем: «Настоящее У. – не просто успокоение, а истинная помощь – исходит только от Бога (Ис 57:18). <…> Главным Утешителем является Христос, Который пришел, чтобы благовествовать нищим (Лк 4:18) и “утешить всех сетующих” (Ис 61:2). <…> Любовь Божья дает нам вечное У., т. к. она обещает нам не бренные блага, а вечную жизнь с Богом и благодать (2 Фес 2:16)» [Библейская энциклопедия Брокгауза, 1999. URL: https://clck.ru/VbMkx]. В «Словаре библейских образов» говорится об утешении: «В Библии выражается уверенность в возможности обретения подлинного и надежного утешения во Христе при жизненных невзгодах: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф.5:4)» [Словарь библейских образов, 2005: 1257]. В православии идея утешения является одной из центральных. Такое положение этой основополагающей христианской идеи обусловлено особым взглядом христиан на природу утешения: успокоение, облегчение переживаний, страданий и подлинное утешение, как показывает

обращение к работам, посвященным христианству, могут прийти к человеку только от Бога. «Бога не забывайте и за всякое утешение Его благодарите, принимая то утешение как бы из рук Его», – пишет святитель Феофан Затворник [Феофан Затворник, 2008: 242]. В богословских работах, например, в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре», мы также видим указание на то, что Утешитель – «наименование третьего Лица Св. Троицы – Св. Духа» [Полный православный богословский энциклопедический словарь, 1913: 2215]. Современный богослов В. Н. Духанин в толковании к молитве Святому Духу пишет: «В этой молитве мы обращаемся к Святому Духу, третьему Лицу Святой Троицы. <…> Святой Дух – Утешитель, так как утешает людей в их скорбях и несчастьях» [Духанин, 2013: 463]. Святитель Игнатий (Брянчанинов) также обращает внимание на то, что утешение для христианина должно становится необходимым действием на пути духовного совершенствования и спасения, добрым и полезным делом: «Обстоятельства или, правильнее, Промысл Божий приводит Вас упражняться в услужении и утешении ближних Ваших. И трудитесь на этой ниве…» [Игнатий (Брянчанинов), 2013: 302].

Идейное наполнение речевого жанра «духовое утешение» – это главное, что его отличает от мирского утешения (то есть светского). Идеи исихазма становятся ведущими в духовном утешении: об***о***жение, понимаемое как уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним, и спасение, понимаемое как исцеление от греха, его последствий и обретение Царствия Божиего. Речевой жанр «духовное утешение», реализуясь в эпистолярном наследии писателей-монахов XX века, имеет иное содержание, особое лексическое, морфологическое, элокутивное наполнение, а также уникальные функции. Эти особенности и будут рассмотрены в данной главе.

1.2. Содержательные типы речевого жанра «духовное утешение»

Переходя к рассмотрению вопроса об особенностях функционирования этикетного речевого жанра «утешение» в эпистолярном церковно-религиозной коммуникации, обратимся к толковому словарю Д. Н. Ушакова. Первое значение слова «утешение» в нем толкуется через отношение к глаголу «утешить» (действие по глаголу «утешить-утешать»). О значении глагола говорится: «Успокоить кого-н., доставить отраду кому-н., облегчить кому-н. горе, тревогу…» [Толковый словарь русского языка. Том IV, 2000: 1014]. Важно посмотреть и на значение слова «утешиться», поскольку результатом действий того, кто пытается помочь, утешить, должно стать изменение к лучшему в состоянии нуждающегося в помощи и участии. В словаре Д. Н. Ушакова это слово определяется так: «Успокоиться, освободиться от чувства горя, тревоги» [Там же].

Основная особенность функционирования этикетного речевого жанра «утешение» в церковно-религиозном общении заключается главным образом в содержании жанра. Утешая, христианин так или иначе показывает собеседнику, что защиты, помощи, утоления печали, избавления от скорбей следует испрашивать у Бога, что верующий человек, идя христианским путем, должен искать желанного утешения в земной жизни. В этом, прежде всего, видится проявление принципа теоцентризма. Конечно же, православные зачастую ищут утешения у других людей, и христианская культура, располагая большим количеством этикетных речевых формул утешения, предписывает проявлять заботу, участие, сочувствовать, сопереживать, утешать (в требующих таких действий ситуациях). Авторы, чьи письма изучались при написании представляемой работы, указывают на важность и необходимость утешения в общении с людьми. Тем не менее, подчеркнем: утешая, христианин в той или иной форме, в большей или меньшей степени обращает своего собеседника к Богу. Истинное утешение дается верой. И в

этом мы видим реализацию одной из христианских исихастских идей – **любви к Богу**.

Обращаясь к эпистолярному наследию церковных писателей-монахов, адресованным духовным детям, мы можем увидеть, что, утешая в скорбях и неприятностях, наставник может говорить о необходимости молитвы, а также о важности неизбежного принятия происходящего и воли Божией, значимости смирения, христианского терпения, упования на Бога, надежды на Божию помощь, покаяния. Это позволяет выделить определенные типы утешения (на основании того, какие мысли лежат в основе утешительного речения). Далее будут представлены содержательные и языковые особенности утешения в эпистолярной церковно-религиозной коммуникации.

Итак, главная содержательная особенность функционирования этикетного речевого жанра «духовное утешение» заключается в том, что в нем реализуются **идеи любви к Богу** и **Божиего утешения**: настоящее утешение и истинная помощь, как учат церковные писатели, приходят от Бога. Эта мысль часто звучит в письмах духовных наставников-монахов. Наставляя и направляя учеников на их трудном пути духовного совершенствования и спасения, выражая сочувствие, авторы писем обращают учеников к утешению, которое христианами понимается как высшее. *Бедная, скорбная Катя, я и то тебя жалею и помню, не больше ли в тысячу раз жалеет и любит тебя* ***Господь*** *… не оскорбляй Его ропотом, и Он* ***подаст тебе утешение****, лучшее, чем ты думаешь*, – читаем в письме игумена Никона (Воробьева) Екатерине и ее мужу Сергею Маниловым. ***Господь*** *благ и милостив, и сердце, растерзанное болью, Он* ***не оставит без утешения***, – пишет одной из своих духовных учениц архимандрит Иоанн (Крестьянкин). ***Одно утешение – Господь!*** *Иисус Христос приветствует сими словами, глаголя: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы». Как же к Нему идти? – Деланием заповедей Его, верой, надеждой и любовью*, – наставляет сестер Лебединского монастыря схиархимандрит Серафим (Романцов). В таких утешениях, как мы видим, адресат говорит о том, что Бог не оставляет

без утешения страдающих людей. Здесь же духовные наставники могут говорить и о том, что, уповая на Бога, мы должны обращаться к нему, не терять веры, стяжать добродетели, каяться, отрекаться от грехов. В письме митрополита Иоанна (Снычева) духовной дочери Варваре читаем: *Из того, что ад вооружился на тебя и на Т., уразумей, что твое намерение было благое. Крепись! Искушения еще впереди, но ты их не бойся.* ***Господь не оставит без помощи. Только крепче держись избранного пути***. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в одном из писем говорит: *Хорошо представляю Ваше состояние и внутреннее, и внешнее. Ибо прошел в свое время тем же путем, если и не более тяжким. <…> Но... «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор.12:9), это я вижу реально всю жизнь, и сильны мы только силой Божией. <…>* ***Веру надо иметь, веру, и тогда Бог будет за нас и с нами***.

В эпистолярном наследии схиигумена Иоанна (Алексеева) мы находим такие примеры: ***Господь Своею милостью поможет тебе*** *в тяжелые минуты, только не унывай и молитвенно к нему прибегай. Если будешь копаться в своем сердце, тогда увидишь там змия стоглавого; однако не пугайся и не робей,* ***с Божией помощью*** *будешь сокрушать ему головы; от внимательной к себе жизни увидишь себя очень худой и немощной, других не будешь осуждать и увидишь всех хорошими, и на чужие немощи даже не обратишь внимания, и в сердце почувствуешь тишину и мир; по временам будут появляться утешающие слезы. Хотя и больно нашему самомнению выслушивать сплетни, но надо терпеливо переносить их и просить* ***помощи у Бога****, ибо* ***мы без Божией помощи*** *не можем преуспеть ни в какой добродетели – это я всегда повторяю тебе, ибо это справедливо.* ***Господь Своею милостью*** *поможет тебе в тяжелые минуты, только не унывай и молитвенно к нему прибегай.* Рассмотренный содержательный тип утешения можно обозначить так: **упование (надежда) на помощь Бога**.

А. О. Ханский, рассматривая стратегии вербального утешения, отмечал «возможность их перехода друг в друга, редуцирование в различных формах»

[Ханский, 2002: 5]. Применительно к избранному нами способу описания речевого жанра «утешение», включающему выделение его содержательных типов, отметим: данные типы могут функционировать в рамках одного текста-утешения как автономно, так и во взаимодействии с другими типами.

Другой содержательный тип, который можно выделить в эпистолярном наследии писателей-монахов, можно обозначить как **временность страданий.** Идеи, которые высказываются в речениях данного типа, следующие: земные скорби и страдания временны; трудности проходят; вечно то, что ждет человека в «жизни будущего века».

Взглянем в качестве примера на письмо игумена Никона (Воробьева). Он пишет о том, что скорби преходящи, а после них наступает утешение: ***Здесь, на земле, и скорбь, и радость временны****. Как меняется погода, так меняется и состояние человека. И у тебя за скорбью будет утешение и радость. Без скорбей и искушений человек не приобретает опытности духовной.* О недолговечности трудностей, скорбей, дурного настроения пишет в утешении и схиигумен Иоанн (Алексеев): *Бывают сухость, леность, наплыв мыслей, скорби и от людей клевета и другое многое, но* ***это все пройдет*** *с Божией помощью, только не унывай.* Другой пример из писем схиигумена Иоанна (Алексеева): *Умудряйся, раба Божия Инна, не малодушествуй, знай, ведь здесь,* ***в нашей временной жизни****, постоянства нет, и мы переплываем житейское море. По вере вашей Господь, по своему милосердию, поможет вам в тяжелые минуты, однако знайте, что* ***наша жизнь временная*** *в сей юдоли плачевной… Много раз я писал тебе, что этот* ***временный мир*** *изменчив и непостоянен. И мы должны верить в Божий промысл во всем.*

Проявление идеи любви к Богу и действие принципа теоцентризма, о которых было сказано несколько ранее, мы видим и в том, что, утешая своих духовных учеников, писатели-монахи напоминают о важности неизбежного принятия происходящего и воли Божией. Например, в письме схиигумена Иоанна (Алексеева) читаем: *Ты стала прихварывать, что делать?* ***Расположись на волю Божию****: болезни напоминают нам о переходе в*

вечность. Митрополит Макарий (Невский) своей духовной дочери пишет: *Твои большие неприятности, вероятно, теперь прошли; но не пришли ли новые? Принимай против всего прискорбного лекарство –* ***самопредание в волю Божию****, уверенность, что Господь печется о нас и все допускает по Своему благому и премудрому промышлению*. Игумен Никон (Воробьев) Ольге Некрасовой-Чавчавадзе отвечает: *Получил Ваши беспокойные письма. Не смущайтесь, что приняли новую должность. Преподобный Варсонофий Великий говорит, что из хода дел* ***надо усматривать волю Божию*** *о нас.*

В эпистолярном наследии схиигумена Иоанна (Алексеева) данный содержательный тип встречается часто: *Люди как люди: сегодня хвалят, завтра свалят. Однако не тревожься, ибо глубоко верю, что* ***не без Божией же воли*** *это случилось. Слава Богу, тяжелое время пережила. Не смущай себя, как перестроить свою жизнь,* ***расположись на волю Божию*** *и молись – время постепенно перестроит. Много раз я писал тебе, что этот временный мир изменчив и непостоянен. И* ***мы должны верить в Божий промысл*** *во всем. Не скорби о потере писем. А смертный час всех страшит, ибо смерть вошла в человечество не по природе – вот человек боится и бежит от нее. И еще страшит нас, что мы знаем, когда и где родились, а когда и где, и как умрем, – неизвестно. Лучше всего надо* ***стараться расположиться на волию Божию*** *во всем.* ***Располагайся на волю Божию****, к предчувствию не стремись иметь свой внутренний мир, и прочее Господь по Своему усмотрению уладит все вам по разумению. Умудри вас Господи.*

Говоря о принятии воли Божией, духовные наставники иногда указывают на то, что исполнение своей воли, своих желаний далеко не всегда полезно для человека, и он не способен предугадать последствия их исполнения, которые могут стать как неожиданными, так и крайне нежелательными и даже могут принести скорби. Такое утешение с вытекающим из него выводом *«расположимся на волю Божию»* звучит в одном из писем схиигумена Иоанна (Алексеева): *У вас детей нет, и вы желаете иметь их, ваше желание, естественно, в порядке вещей. Однако,*

всяко бывает; не на радость родителям дети бывают, а на великие скорби. ***Расположимся на волю Божию, ибо Он знает наши нужды раньше нашего прошения; если на пользу, будут и дети****...*

Рассматриваемый тип утешения может быть отмечен мыслью, проходящей через христианские тексты на протяжении многих веков, всей истории христианства: *на все воля Божия.* Важным доводом для верующих, которых наставники направляют на принятие воли Божией, на смирение перед скорбями и страданиями, становится евангельское повествование; жертвенный подвиг Иисуса Христа. О том, что христиане терпят страдания, потому что страдал Иисус Христос, и о том, что о Его страданиях вспоминают в утешениях, пишет философ Е. А. Аль-Фарадж в статье «Эпистолярное утешение XVII века на примере переписки Антуана Арно»: «Как отмечает Арно… “узкий путь”, на который указывает Бог, нередко бывает усыпан “колючками и крестами” … но ведь именно по такому пути первым прошел Христос. Тема следования примеру Христа, подражания Христу нередко возникает в утешительных письмах Арно, чаще всего в рамках максимы о том, что мы должны терпеливо переносить страдания, потому что Христос страдал» [Аль-Фарадж, 2015: 64].

Представленный выше содержательный тип утешения можно именовать следующим образом: **принятие воли Божией**. Основные мысли, которые проводятся в речениях данного типа, кратко могут быть выражены так: *на все воля Божия*; *положитесь на волю Божию*; *примите волю Божию*. В таких утешениях реализуется исихастская **идея смирения**: принимая волю Божию, человек смиряется перед Богом и перед людьми. Важно отметить, что одна из основополагающих идей религиозно-философского исихастского учения – **идея об*о*жения** – в большей мере представлена именно в утешениях данного содержательного типа. Стремление к об*о*жению предполагает уподобление по мере возможности Христу, насколько это возможно человеку.

Содержательная специфика этикетного речевого жанра «утешение» в духовном письме проявляется также в указании авторами на то, что

страждущий человек может получить утешение в вере. Утешая, наставники могут в различных формах напоминать о том, что вера в Бога в жизни людей имеет большое значение, и более всего это становится очевидным тогда, когда человек может обратиться за помощью только к Богу, когда страдания настолько сильны, что простое человеческое утешение не может принести облегчения. Утешение в вере предполагает, что человек обращается к Богу, приходит на службы в храм, читает и осмысляет религиозные тексты, кается, исповедуется, просит совета у священника, погружается в религиозную жизнь. Изучение писем духовных наставников своим ученикам показало, что адресаты писем различны по степени своей погруженности в религиозную жизнь, находятся на разных этапах духовного христианского совершенствования. Данный содержательный тип можно обозначить так: **утешение христианина – в вере**. Основная идея – донести до адресата, что преодолеть трудности, сомнения, искушения, страхи, болезни христианину дает вера в Бога.

Данный содержательный тип можно увидеть в письме схиигумена Иоанна (Алексеева): *Пишешь, что у тебя духовно не ладится, «чего-то не хватает…», у тебя есть* ***вера*** *и любовь к Богу, и страх твой неправильный, ибо он от самомнения.* Из письма игумена Никона (Воробьева): *Знаю, что у вас скорбь, что малодушествуете. Надо осознать из дел, что слишком в нас еще слаба* ***вера*** *и надежда на Господа, несмотря на все уверения Его, что Он ни на минуту не оставляет* ***верующих*** *в Него без помощи и охраны, и что Он есть* **Путь, и Истина, и Жизнь***, и каждого,* **грядущего** *к Нему* ***верой****, деланием заповедей и покаянием* ***не ижденет вон****…*

Еще одна значимая содержательная особенность функционирования речевого жанра «утешение» в духовном письме заключается в проявлении **идеи молитвенного делания**. Утешая адресатов своих писем, монахи как на средство от печалей, страданий и скорбей указывают на молитву. Вот как отвечает игумен Никон (Воробьев) монахине Марии (Комаровой) на письмо, в котором она говорит о своей скорби (в связи с кончиной духовной матери):

Ты пишешь, что очень скучаешь, не можешь оставаться одна дома, ревёшь и не знаешь, с кем поделиться. <…> Средство от тоски, от скорби – ***молитва*** *или псалмопение и благодарение Господа. Если будешь понуждать себя* ***читать Псалтирь*** *со вниманием и* ***вставлять*** *чаще* ***молитву Иисусову****,* ***Божией Матери*** *и* ***всем святым****, то скорбь твоя утихнет, и ты получишь большую пользу душевную. Если же будешь изнывать в скорби и плакать по-мирски, то сильно погрешишь и повредишь себе телесно и духовно, не найдя утешения.* В письме схиигумена Иоанна (Алексеева) читаем: *У тебя опять страданье повторилось. Что делать? Не без Божией же воли это происходит, если Господь печется о птицах, неужели ты забыта у Него?* ***Молитву не оставляй, она поможет тебе****.* Или другие примеры из писем схиигумена Иоанна (Алексеева): *В подобные тяжелые минуты одно средство –* ***терпение и молитва****, и уверяй себя, что будет перемена к лучшему, ибо как в воздухе бывают перемены, так и у нас. Господь избрал на проповедь святых учеников своих, апостолов, но скорби не отнял от них. Одно средство в скорбях и болезнях:* ***молитва*** *и терпение. Умудри тебя Господи. Ты все смущаешься относительно Церквей.* ***Молись*** *и потерпи, Господь и Пресвятая Богородица помогут все устроить во благое, только не унывай и не смущайся раньше времени. Конечно, рановато тебе писать, но все же сообщу:* ***если будешь трудиться в молитве, Господь*** *милостив,* ***будет давать утешение****, тогда сам узнаешь, как благ Господь.*

В утешении архимандрита Иоанна (Крестьянкина) духовной дочери говорится: *Мне трудно утешать Вас, ведь беда-то взращена своими руками. Сейчас реальной и* ***действенной помощью*** *для Вас* ***остается*** *только* ***молитва*** *за дочь и за ее отца.*

Данному содержательному типу можно дать такое именование: **источник утешения – молитва**. Жизнь каждого воцерковленного или воцерковляющегося христианина связана с молитвой. Однако особое значение она имеет для тех, кто принял монашество: созерцание и молитва – духовные основы монашеской жизни. Главные мысли, которые звучат в текстах

рассмотренного типа утешения, таковы: молитесь; молитва помогает в страданиях.

Особо следует сказать об утешениях, в которых авторы дают положительную оценку происходящему в жизни человека, тем трудностям и испытаниям, которые он преодолевает, претерпеваемым страданиям, болезням, печалям. Все это рассматривается наставником как посланное Богом для укрепления воли и духа человека, его духовного совершенствования, для спасения души, достижения об***о***жения. Этот содержательный тип утешения можно обозначить так: **страдание – условие духовного возрастания и действие Промысла Божия**. В письме схиархимандрита Серафима (Романцова), адресованном сестрам Лебединского монастыря, говорится: *В том-то и вся ошибка с нашей стороны, что не хотим покоряться воле Всеблагого* ***Промысла Божия, указующего нам через обстоятельства душеполезный путь****, а все ищем своего какого-то спокойного пути, который существует только в мечтательности, а на самом деле его на земле нет.* Автор напоминает монахиням о том, что Бог через различные обстоятельства жизни указывает полезный для духовного возрастания путь, что в происходящем нужно видеть действие Промысла Божиего. В письмах архимандрита Иоанна (Крестьянкина) мы также видим положительную оценку трудностей, которые дано преодолевать человеку. Обратимся к одному из писем архимандрита Иоанна: ***У Вас болит душа! И хорошо, что болит! У Вас сердце обливается слезами и кровью, – и это тоже сильнейшее средство пред Богом, которое для Отчизны нашей и Церкви целебнее всех обществ, всех речей и лозунгов****. Вот если бы Вы еще к этому действенному средству, исходящему из сердца Вашего и души, присоединили любовь, и неосуждение, и* ***несомненную веру в Промысл Божий****, то Ваша боль не была бы напрасной.* О претерпевании неудач и страданий, скорбей и болезней как неотъемлемой составляющей жизни человека и его духовного возрастания пишет своему ученику – студенту Московской духовной академии – и игумен Никон (Воробьев): *Не смущайся*

неудачами. «Все суета сует, всяческая суета» (Еккл. 1:2). ***Чтобы приобрести смирение, а с ним*** *«мир Божий»* ***(в душе), «превосходящий всякое разумение»*** *(Флп. 4:7),* ***надо много потерпеть неудач, падений, оскорблений*** *и проч.* ***Постоянные успехи могут погубить духовного человека, поэтому Промысл Божий вынужден посылать нам всякие испытания, неудачи, скорби, болезни*** *и проч.* В таких утешениях часто подчеркивается значимость, необходимость преодоления трудностей и испытаний. Отвечая на сетования, вопросы своих духовных чад, наставники анализируют конкретные жизненные события и могут указывать на то, что происходящее (несение послушаний, которые по тем или иным причинам не хочется принимать, разлады с близкими людьми, трудности в борьбе со страстями) важно для духовного преуспеяния и необходимо в сложившихся обстоятельствах. Митрополит Иоанн (Снычев) на протяжении многих лет вел духовное руководство мирянами и монашествующими. Так, например, читая опубликованные письма митрополита монахине Варваре, можно увидеть, что духовное наставничество в эпистолярной форме продолжалось как минимум с 1972 по 1983 годы. Митрополит Иоанн не просто хорошо знал о происходящем в жизни монахини Варвары, монахини Надежды и других, он был погружен в их духовное бытие, знал о взаимоотношениях, которые складываются в монастыре. Поэтому его утешительные слова в большинстве случаев касались конкретных реалий. Приведем пример из письма митрополита Иоанна монахине Варваре: ***Тем, что иг-я ставит тебя и Таню на низкие работы, не смущайся***. ***Она этим испытывает вас, по-настоящему ли вы жаждете спасения*** *или же ради человекоугодия. И по мере того как вы будете Бога ради преуспевать, по мере этого и отношение к вам м. иг. будет изменяться в лучшую сторону. Потому-то и трудитесь неослабно в добром подвиге.* В письмах митрополита Иоанна также звучат мысли о том, что приходящим к нам страданиям следует радоваться духовно как свидетельству того, что ты идешь истинным христианским путем. Из письма монахине Варваре: *В жизни все может быть: и радости, и горести. Вот ты получила радость, а скорбь*

тут как тут и ну тебя дубасить, а ты в слезы. Глупенькая ты. ***Радоваться нам надо не только от добра, но и от поношения.*** *Совершенство познается только в скорбях. Этим путем прошли все подвижники. Пойдем и мы с тобой за ними и не ошибемся*. В некоторых случаях авторы прямо указывают на спасительность скорбей, трудностей, их важность в достижении главной цели христианина – спасения души. В письме Иоанна (Снычева) читаем: *Знаю, что подвиг твой нелегкий, но он* ***спасительный****, если будешь нести его радушно и с любовию. Крепись и мужайся!* Сходные мысли звучат в утешениях архимандрита Иоанна (Крестьянкина): *Очень я утешен твоим письмом. И теперь уж и я утешу тебя тем, что засвидетельствую тебе, что болезнь попущена тебе во очищение и* ***спасение****.*

Наставники, утешая своих духовных чад, не просто указывают на важность принятия скорбей и страданий. Здесь важно вспомнить, что отчаяние и уныние (отчаяние – предельная форма уныния) в христианстве рассматриваются как грехи, и на это авторы духовных писем также обычно указывают. В качестве утешительных аргументов зачастую используются цитаты из авторитетных для христиан источников – трудов авторов, чей вклад в развитие христианства неоспорим. Так, митрополит Макарий (Невский) в утешении обращается к духовному наследию преподобного Иоанна Кассиана – основателя монашества на Западе, теоретика монашеской жизни, духовного писателя, оставившего значимые труды по богословию, дошедшие до наших дней. Приведем фрагмент письма, содержащего утешение с цитированием: *Твое чрезмерное смущение, близкое к отчаянию, не от доброго духа. Об этом говорит преподобный Кассиан: «Бывают у человека сильно смущающие помыслы, внушающие ему, что несмотря на все усилия и труды, он не наследует спасения вечного. Такие помыслы следует отвергать при самом появлении их словами Евангельскими: “Верую, Господи, помоги моему неверию”, и быть несомненно уверену, что все наши грехи составляют как бы горсть песка пред океаном милосердия Божия... В случае каких-либо падений*

не унывать, не скорбеть безмерно, а воздвигать себя упованием и смирением, просить прощения». До зде Кассиан.

В работе А. О. Ханского рассматриваемый тип утешения также представлен и относится он к религиозным: «Положительная оценка самого факта наличия *Разлада* характерна для *религиозного* утешения, когда всяческие лишения и притеснения (т. е. различные элементы *Разлада*) в этой жизни гарантируют *Лад* за порогом земного существования. Выпавшие на долю человека трудности рассматриваются как испытания, посылаемые Богом для укрепления духа…» [Ханский, 2002: 9]. Несомненно, что такие утешения характерны для церковно-религиозной коммуникации.

Рассмотренному типу в содержательном отношении близок тип утешения, в котором наставники используют утешительные аргументы «Страдания неизбежны в жизни человека», «Скорби – часть жизни каждого человека», «Страдают все люди», «Нет людей, не переживших страдания» и подобные им. Иногда авторы, утешая, говорят о духовном смысле страданий. Тогда мы наблюдаем конвергенцию с предыдущим типом. Отличительной чертой рассматриваемых утешений становится то, что внимание адресата направляется преимущественно на следующие мысли: страдания, скорби, трудности, неудачи и болезни нужно принять, потому что они уготованы всем людям; на свете много людей со сходными жизненными трудностями, а немало и таких, чьи проблемы еще серьезней; не следует унывать, ведь не только тебе дано пройти через такие испытания; сколько людей проходило и проходит через подобное. Весьма образно об этом говорит митрополит Иоанн (Снычев) в письме к монахине Надежде: ***Жизнь наша – школа. Укорение, досаждение и прочие скорби – уроки***. *Ими проверяется наше знание добродетелей, живем ли мы по заповедям или же отходим от них.* В основе такой утешительной аргументации лежит как собственный жизненный опыт духовных наставников, так и почерпнутые в святоотеческой литературе идеи.

О том, что страдания и скорби присутствуют в жизни всех людей, что их принятие и терпение приближает к Богу, помогает избежать

богооставленности, пишет сестрам Лебединского монастыря схиархимандрит Серафим (Романцов): *Знайте, дорогие деточки, что* ***нельзя прожить в сем веке без скорбей, болезней и страданий – это общая участь всех живущих на земле****. Чем кто больше их терпит, тем таковые ближе к Богу, а кто совсем живет без этого – тот оставлен Богом.* Сходные утешительные аргументы мы видим и в письме схиархимандрита Иоанна (Маслова): ***Скорби в этой юдоли плачевной неизбежны для каждого человека.*** *Но их следует переносить с кротостью, терпением и любовию. И это потому, что они нужны христианам, как воздух или пища для тела. Но те из христиан, которые избегают их, ропщут и впадают в уныние, лишают себя Божественной благодати.* ***Путь Христов, ведущий в блаженную жизнь, состоит именно из болезней, страданий и скорбных обстоятельств****.*

В письмах схиигумена Иоанна (Алексеева) также встречается данный содержательный тип: *Не удивляйся, что в одиночестве испытываешь уныние и тоску, ибо эти гости посещают одиноких, иногда ведь так нападут, что просто растеряешься и не знаешь, за что взяться, просто хоть в голос кричи.* ***Святые отцы то же испытывали.*** *Да так их враг искушал, что не хотели предавать писанию, чтобы не смущать неопытных в духовной жизни. Пишешь, что переживаешь тяжелое состояние душевное.* ***Однако знай, не ты одна переживаешь подобное тяжелое состояние,*** *а кряхтит все человечество под бременем Адамова наследия от преслушания. В подобные тяжелые минуты одно средство – терпение и молитва, и уверяй себя, что будет перемена к лучшему, ибо как в воздухе бывают перемены, так и у нас.*

Данный содержательный тип можно обозначить так: **страдания и скорби неизбежны у каждого**. Главные идея, которую пытается передать автор текста, что каждый человек проходит через трудности, скорби, страдания, и их нельзя избежать в земной жизни.

Терпение – одна из христианских добродетелей. Поэтому неслучайно, что, утешая, писатели-монахи говорят о важности терпения в преодолении трудных жизненных периодов, в перенесении испытаний, борьбе со своими

страстями. **Терпение – основа преодоления страданий**, – так можно обозначить данный тип утешения. Главная мысль, которая доносится до адресата – терпение поможет справиться с трудным бременем, перенести страдание. Отметим, что в рассмотренных текстах реализуется христианская исихастская **идея терпения**.

Установка на терпение присутствует в утешениях многих авторов духовных писем. Обратимся к примерам. Из письма митрополита Иоанна (Снычева): *Опять тебе испытание пришло. Мужайся! Все надо перенести: и укорение, и досаждение Царства ради Божия. Не оставит Господь вас без утешения, только* ***не ослабевай в терпении***. В письме схиархимандрита Серафима (Романцова) сказано: *Пока* ***вооружайтесь на послушании терпением*** *противу находящих трудностей, всегда поминая при всяком деле слово Самого Господа: «В* ***терпении*** *вашем стяжите души ваши» и «****претерпевый*** *до конца той спасен будет». В каком бы конце мира человек ни жил, скорбей по этому слову Господню не избежит. Поэтому не унывайте, а на милость Божию уповайте, хотя мы и сзади, но в Его стаде.* У игумена Никона (Воробьева) читаем: *Не должно быть места унынию, безнадежию, отчаянию! <…> Господь из любви к нам посылает по силе каждого невольные скорби и болезни, но дает и* ***терпение*** *их, чтобы сделать и нас участниками Своих страданий.*

В эпистолярии схиигумена Иоанна Алексеева терпение обычно идёт в связке с молитвой, терпение и молитва как основа для преодоления страданий: *Как в воздухе бывают перемены, так и у нас; иной раз такая поднимется пыль, что совсем запорошит сердечное око. В такие моменты одно средство:* ***терпение и молитва****, и уверять себя, что пройдет. Так и у нас в жизни бывает, иногда такой туман внутри подымается – просто и дорогу потерять. В данные моменты –* ***молитва и терпение*** *и подбодрять себя: это пройдет. Иногда очень тяжелые перемены приходится переносить, просто дух захватывает от тяжести внутреннего изнемогания, и все человечество*

кряхтит под бременем Адамова наследия. В такие тяжелые минуты одно средство: ***терпение и молитва.***

В христианской культуре богоугодный труд, направленный на пользу отдельного человека и людей в целом, рассматривается как одна из важнейших составляющих духовного и нравственного совершенствования личности, преображения человека. «Возлюби труд: он, в соединении с постом, молитвою и бдением, освободит тебя от всех скверн. Телесный труд доставляет сердцу чистоту; чистота сердца служит причиною того, что душа приносит плод», – писал Антоний Великий [Отечник, 2009: 33]. Помимо этого, считается, что труд может помочь человеку получить утешение, успокоение, достичь внутреннего мира и согласия. В письме митрополита Иоанна (Снычева) монахине Варваре читаем: *Помни, что ты своим* ***трудом*** *избавляешь сестер от суеты и даешь возможность им молиться о себе и о тебе. Этим и утешайся. Да укрепит тебя Господь, а Пречистая да покроет тебя Своим Омофором.* Схиархимандрит Серафим (Романцов) монахиням Антонине и Павле пишет: *Возмогайте о Господе и в державе Его, да крепится сердце ваше в болезнях телесных, и огорчениях душевных, и в разных внешних обстояниях. Помози, Господи, все это переносить благодушно и с покорностью воле Божией. <…> Видно, иначе нельзя достигнуть онаго покоя, как потерпеть да подождать, да* ***потрудиться*** *о себе и о других…* Игумен Никон (Воробьев) духовной дочери Екатерине и ее мужу Сергею говорит: *Чем больше человек прилагает своего* ***труда*** *для очищения себя от всякого греха, очищения мыслей, чувств, пожеланий греховных … чем больше понуждает себя к непрестанной, чистой, внимательной от всего сердца и со всяким благоговением молитве, тем слабее делаются скорби, тем легче их становится переносить, потому что цель, для которой нужны и посылаются скорби, достигается другим путем, путем своего* ***труда***, ***понуждения*** *на делание заповедей…*

Данный тип можно именовать так: **богоугодный труд – утешение для страдающего**. Основные мысли, которые автор проводит в таком утешении,

следующие: физический и духовный труд, если он богоугоден, – путь к утешению, достижению согласия, внутреннего мира, покоя и спасения души; трудом преодолеваются скорби, страдания, побеждается уныние.

1.3. Языковая реализация речевого жанра «духовное утешение»

1.3.1. Лексические способы выражения духовного утешения

Рассмотрение лексических средств в речевом жанре «духовное утешение» на материале эпистолярного наследия писателей-монахов XX века дало возможность выделить общекнижную лексику, и самым важным отличительным признаком является употребление слов, связанных с темой православного христианства, в которых репрезентируются главные идеи этого феномена. Основные языковые единицы, которые участвуют в реализации идеи любви к Богу, такие: *Бог, Господь, Иисус, Христос, Всевышний, любовь к Богу, помощь Божия, благодать Божия, Божие утешение, воля Божия, Промысл Божий, милосердие Божие, милость Божия, мир Божий, путь Христов, судьбы Господни, Царство Небесное, радость Божия, Господь не оставит,* а также слова *Путь, Истина, Жизнь* (как именования Бога). Представим один из множества примеров из писем: «*Не отчаивайся. Встань и опять, и опять борись. Только не надейся на одни собственные силы. Тебе нужна* ***помощь Божия****, всесильная* ***благодать Божия****, которая одна может освободить от оков и плена. Крепись, молись, усердно молись*» (Митрополит Макарий (Невский)).

Идея молитвенного делания репрезентируется следующими языковыми единицами: *молитва, молитва Иисусова, молись/молитесь, не оставляй/не оставляйте молитву, молитва поможет.* Приведем пример из письма игумена Никона (Воробьева): *Воспользуйся сердечной тоской для развития внутренней* ***молитвы (Иисусовой)****. В это время она легко делается и углубляется в сердце, и скоро даст мир и утешение….* Идея спасения может

реализовываться с помощью таких языковых единиц, как *спасение, спасайся/спасайтесь, спасительный, душа, смирение, смиряйся/смиряйтесь, приобрести смирение, очищение, очищение души, покаяние, кайся/кайтесь, покайся/покайтесь, путь Христов, скорбь, скорби, очистительные скорби, страдание(-я), горести, подвиг.* Рассмотрим воплощение этой идеи в письме митрополита Иоанна (Снычева), он говорит об этом в письме к монахине – Надежде: *Жизнь наша – школа. Укорение, досаждение и прочие* ***скорби*** *– уроки. Ими проверяется наше знание добродетелей, живем ли мы по заповедям или же отходим от них*. Идея смирения может репрезентироваться в таких языковых единицах, как *смирение, смиряйся/смиряйтесь, смиренно, со смирением, сокрушение, не ропщи(-те)*, приведем в пример текстовый фрагмент из эпистолярия митрополита Иоанна (Снычева): *Больше* ***смиряйся****, и помощь Божия не замедлит послать тебе успех в борьбе со страстями*. Идея терпения может выражаться с помощью таких языковых единиц: *терпение, терпеть, долготерпение, терпи(-те), терпение скорбей, терпение обид, терпение болезней, безропотное терпение, кроткое терпение, благодарное терпение, претерпевый, терпит, не ослабевай в терпении, набирайся/набирайтесь терпения, вооружайся/вооружайтесь терпением, нужно иметь терпение, дай Вам Бог терпения, да подаст Господь терпения, в терпении пребывать, в терпении вашем стяжите души ваши, проси(-те) у Господа терпения, спасаться/спасайся/спасайтесь терпением, переносить с терпением, нести свой крест с терпением, терпеть благодушно*. В письмах архимандрита Иоанна (Крестьянкина) встречается воплощение данных идей: *Так не сетуй на внешнее, но исповедуй свою немощь, и смирится вознесенная было гордыня. Много надо трудов понести, чтобы строился дом души. Строй, детка. Он не раз еще будет шататься и даже нарушаться, пока созреют ум и душа.* ***Набирайся терпения****, чтобы* ***терпеть*** *свои несовершенства. Божие благословение тебе. Храни тебя Господь».*

В этикетном речевом жанре «духовное утешение», функционирующем в русском духовном письме, помимо отмеченных в теоретической части

христианских идей воплощается идея Божиего утешения, о котором говорилось в начале главы. Репрезентантами этой идеи могут становиться следующие языковые единицы: *Утешитель, утешение, слова утешения, Божие утешение, Христово утешение, духовное утешение, утешение в скорби, сердечное утешение, неизъяснимое утешение, сугубое утешение, великое утешение, радостное утешение, отрада, радость, покой, облегчение, успокоение, мир, утешение от Бога, утешение от Господа, утешение от Духа Божия, утешение – Господь, утешение истинное – Христос, надежда на Божие утешение, милосердие Божие, милость Божия, помощь Божия, утешение страждущим, даст Бог утешение, Господь дает утешение, дал Господь в утешение, Господь подаст утешение, утешения посылает Господь, Бог пошлет утешение, Господь утешит, Матерь Божия не оставит, сила Божия, приносит утешение, вознаграждены утешением, Господь спасет, Господь вразумит, Господь укрепит, Господь утешит*. Подкрепим вышесказанное примером из писем: *Но сама не подавай повода думать, что ты враждуешь на нее. Ни с кем не говори о ней чего-либо худого.* ***Господь****, не хотящий смерти грешника, но еже обратитися н живу быти ему,* ***да спасет тебя****,* ***да вразумит тебя****,* ***да укрепит тебя****,* ***да утешит тебя****, чтобы из тебя вышел добрый сосуд, угодный Домовладыке на всякое благое дело* (Митрополит Макарий (Невский)). Было отмечено частотное употребление предметов, связанных с православным христианством, которые также могут помочь достичь утешения и приблизиться к Богу: *крест, крест Христов, крестик, икона* и др. Взглянем на пример: *Благословение Божие да будет всегда с Вами. Никогда не отчаивайтесь.* ***Крест Христов*** *да будет Вам всегда напоминать о бесконечной любви Божией к подшему человеку (*Игумен Никон (Воробьев)).

1.3.2. Бытование религионимов в речевом жанре «духовное утешение»

В структуре употребления речевого жанра «духовное утешение» в эпистолярии писателей-монахов лексической особенностью является наличие религионимов. Ю. Н. Михайлова дает следующее определение религионима: «Религионим – это слово или составное наименование (устойчивое сочетание) религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия» [Михайлова, 2004: 3]. Иначе говоря, религионимами или, по-другому, религиозной лексикой называют слова и составные наименования, обозначающие религиозные понятия. Общая религиозная лексика, включающая слова, свойственные всем религиям (Бог, душа, праведность, молитва и др.); общехристианская лексика, обозначающая понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям (Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь и др.). Религионимы являются отличительной чертой и важной составляющей не только эпистолярия писателей-монахов, но и христианской культуры в целом. На этой лексике базируются основные идеи христианства, например, провидение, промысел Божий, провиденциализм, учение исихазма и многое другое. Религионимы имеют множество видов, которые относятся к различным аспектам христианской культуры. Утешая, писатели-монахи использовали несколько видов религионимов. Укажем на наиболее частотные из них. Первый тип, самый многократный, который был выделен – это теонимы, означающие наименование Бога. Обратимся к примерам из писем: *Люди как люди: сегодня хвалят, завтра свалят. Однако не тревожься, ибо глубоко верю, что не без* ***Божией*** *же воли это случилось* (Иоанн (Алексеев)); ***Господь*** *да подаст тебе силу до конца одолеть врага твоего спасения. Борись, молись, не унывай.* ***Господь*** *всем хочет спасения и помогает благодатью Своей* (Макарий (Невский)). Теонимы *Бог, Боже, Господь* являются самыми частотными, но также встречаются примеры с теонимом *Владыка /*

Божественный Владыка, например в письмах схиигумена Иоанна (Алексеева): *Но не будем отчаиваться. Хоть и одиннадцатый час переживаем,* ***Владыка*** *и нас призывает в виноградник Свой.* Употребительны в письмах теонимы *Спаситель, Иисус Христос, Могущий.* Для подкрепления данного утверждения можно привести пример из письма игумена Никона (Воробьева): *Не только спасение, но и мир душевный, и радость, и весь рай сокрыты в* ***Господе Иисусе Христе****. Чаще призывай Его святое имя, и сердце твое согреется и утешится. Имей мудрость, никогда не хитри. Все обнаружится в свое время, и что сеешь, то и пожнешь.*

Другой вид религионимов, которые употребляются в речевом жанре «духовное утешение» – это агиоантропонимы. И. В. Бугаева дает следующее определение данного термина: «апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых» [Бугаева, 2010: 238]. Агиоантропонимы также частотны, так как, чтобы утешить адресата, духовный наставник может ставить в пример жизнь святых или аргументировать свою речь словами святого, тем самым помогая духовному ученику достичь спокойствия. Схиигумен Иоанн (Алексеев) чаще ссылается на Святого Лествичника, приводит его в пример как истинного христианина и цитирует его слова: *Это хорошо, что осознаешь свою греховность, каешься и плачешь. Да, наше такое существо немощное, но Бог все это знает и дал нам покаяние.* ***Святой Лествичник*** *покаяние ставит выше даже крещения, ибо крещение – одно, а покаяние до гроба повторяется; Господь знает нашу немощь, дал нам ежедневное покаяние до гроба.* ***Преподобный Иоанн Лествичник*** *пишет: «Часто старые привычки мучительным образом обладают и теми, которые оплакивают грехи свои, и сие неудивительно. Слово о судьбах падения темно для нас, и никакой ум не постигает это». Ещё говорит: «Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно; и без сомнения, ангел, который хранит тебя, почтит твоё терпение».* Авторы могут также ссылаться на жизнь как конкретных мучеников, апостолов, так и в целом говорить о них. Приведем

примеры: *Получил от вас письмо. Господь посетил вас болезнью, конечно, потому что она была необходима для вашего спасения. Многими скорбьми подобает внити в царствие Божие, – таков закон духовный.* ***Апостолы, мученики, преподобные, все святые*** *вошли в славу через многие великие скорби. Егоже любит Господь, наказует, биет же всякаго сына, егоже приемлет* (игумен Никон (Воробьев)). В другом письме игумен Никон (Воробьев), утешая духовного ученика, приводит в пример эпизод с ап. Петром и цитирует слова ап. Иоанна: *Сколько бы Вы ни падали – не отчаивайтесь и не теряйте совсем веры. Сохраните хоть «одну точку», которая видит и сознаёт, и сокрушается иногда о Вашем состоянии – и Вы не утонете в море житейском. Господь не допустит до этого, а в критическую минуту подаст Вам руку, как утопающему* ***ап. Петру****. «Мир вас возненавидит», – сказал Господь Своим ученикам две тысячи лет назад. Это пророчество до сих пор непрерывно исполняется над учениками Христовыми, но исполняется и другое пророчество: Мужайтесь, Я победил мир. Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире, – говорит* ***ап. Иоанн Богослов****.* Писатели-монахи также приводят в пример таких святых, как: Марк Подвижник, Преподобный Макарий, Святой Петр Дамаскин, Исаак Сирианин, Иоанн Предтеча, Преподобный Варсонофий Великий, Авва Дорофей и многих других. Обратимся к письму митрополита Иоанна (Снычева): *Ты пишешь, что моральная сторона угнетающе действует и тяжелее физического труда. Зря переживаешь. Добродетель обязательно должна проходить испытания. Вот послушай, что об этом говорит нам преп.* ***Исаак Сирианин****: «Душа, – говорит он, – приявшая на себя попечение о добродетели и живущая с осторожностью и в страхе Божием, не может быть без печали каждый день, потому что добродетели сопряжены с печалями. Кто уклоняется от скорбей, тот вполне разлучается, несомненно, и с добродетелью. Если вожделеваешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь».*

Единожды был встречен случай, где употреблялся эортоним (название церковного праздника) в качестве вспомогательной помощи при

использовании речевого жанра «духовное утешение» писателями-монахами. Данный пример был встречен в письме игумена Никона (Воробьева): *Дорогие о. Мелетий и м. Анна, явно, что Господь, любя вас и желая прославить, посылает вам скорби и болезни. Итак, мужайтесь, терпите Господа, и Он возьмет вас с креста вашего в славу сынов Своих, в* ***вечную Пасху****, в неизреченную радость, где забудутся все скорби земной жизни.*

Был выделен корпус религиозной лексики, языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания, например упоминание молитв, Евангелия, креста, души или духа. Приведем примеры из писем авторов: *Воспользуйся сердечной тоской для развития внутренней* ***молитвы (Иисусовой)****. В это время она легко делается и углубляется в сердце, и скоро даст мир и утешение, но зато при этом опять пропадает и молитва. Так что иногда не знаешь, что предпочесть. Я это сам испытал* (Игумен Никон (Воробьев)); *Вы с мамой просите о папе* ***молитвой владыки Антония****, а ты иногда и к мученику Вонифатию обращайся. Храни вас Господь. Не унывайте. Учитесь видеть происки врага и его нападки. Божие благословение вам* (Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)); *И монашество –* ***крест****, и супружество – не меньший* ***крест****. Но без* ***креста*** *не увидим и Христа.* ***Крест*** *взят и благословлен Вам, – и теперь надо учиться нести его во спасение, помогая себе и своим близким чуткостью и молитвой* (Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)).

1.3.3. Морфологические способы выражения духовного утешения

Н. И. Формановская в книге «Речевой этикет в русском общении», рассуждая о способах выражения утешения в русском языке, отмечает, что наиболее типичным способом «являются фразы, сформированные повелительным наклонением глагола, содержательно соответствующего данной ситуации» [Формановская, 2009: 298]. Среди таких глаголов Н. И. Формановская, в частности, выделяет следующие: *успокойтесь(-йся), не*

расстраивайтесь(-йся), не беспокойтесь(-йся), не волнуйтесь(-йся). Автор также указывает на употребительность выражения *утешайтесь тем, что…* и относительно устойчивых выражений, используемых в утешениях советом, например, таких, как *возьми(-те) себя в руки, не падай(-те) духом, не принимай(-те) (этого) близко к сердцу, не думай(-те) об этом*. Рассматриваются Н. И. Формановской и утешения, содержащие просьбу, например, глагольные конструкции *прошу Вас (тебя) не волноваться, прошу Вас (тебя), не волнуйтесь(-йся)*. Отмечается также использование в ситуации утешения выражений со словами *надо, нужно, необходимо, должен (-жна, -жны)* [Формановская, 2009: 298–300]. Подробно в книге говорится об утешениях, содержащих различного рода убеждения (*Вы (ты) не виноват(-ы), здесь нет повода для огорчения* и др.); об утешениях, содержащих призывы (*примиритесь(-рись), смиритесь(-рись)* и др.), а также об утешениях, содержащих «фразы, в которых передается мысль о неизбежности в жизни неприятностей, бед» [Формановская, 2009: 301–303].

В духовных письмах сочетания, в которых употребляется повелительное наклонение глагола, тоже встречаются, хотя надо сказать, что в иных ситуациях слова *не расстраивайтесь(-ся), не нервничайте(-ся), не волнуйтесь(-йся)* не характерны для эпистолярного церковно-религиозного общения. Обратим внимание на некоторые глаголы повелительного наклонения и конструкции с глаголами повелительного наклонения, использующиеся для выражения утешения в духовном письме:

утешайся/утешайтесь, мужайся/мужайтесь, крепись/крепитесь, ободрись/ободритесь, терпи(-те), смирись/смиритесь, спасайся/спасайтесь, молись/молитесь, молись/молитесь Богу, не оставляй / не оставляйте молитву, кайся/кайтесь, покайся/покайтесь, не печалься / не печальтесь, не унывай / не унывайте, не жалей / не жалейте, не скорби / не скорбите, не бойся / не бойтесь, не отчаивайся / не отчаивайтесь, не огорчайся / не огорчайтесь, призывай(-те) имя Господа, наберись/наберитесь терпения, не ослабевай / не ослабевайте в терпении, уповай/уповайте на милость Божию,

расположись/расположитесь на волю Божию, возымей / возымейте терпение, не впадай / не впадайте в уныние, не падай / не падайте духом, не страшись / не страшитесь скорбей, не теряй / не теряйте надежды, не ропщи(-те).

Приведем несколько примеров. Из письма схиархимандрита Серафима (Романцова): ***Духом не падай*** *и* ***не унывай****, а* ***на милость Божию уповай*** *и почаще* ***к Матери Божией прибегай****.* Из письма митрополита Иоанна (Снычева): ***Не унывай****, Варварушка! Господь не оставит тебя Своею милостию. Пошлет тебе утешение. Только* ***будь верной Ему*** *до смерти.* Из письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина): *О девочках помолимся, да не оставит и их Господь в прихоти попечителей. А Вы* ***не скорбите*** *паче меры и* ***не углубляйте рва уныния****…* Из письма архимандрита Софрония (Сахарова): *…****не печальтесь*** *ни Вы, ни Коля возможною потерею драгоценного времени. В моральном отношении это всё равно будет для него выигрыш, лишь бы он был внимателен к ЧЕЛОВЕКУ, каждому человеку.* Стоит также вспомнить об употреблении императивных глаголов в письмах схиигумена Иоанна (Алексеева): *Однако* ***не унывай и не малодушествуй****, знай: ты не одна это переживаешь, но все человечество кряхтит под бременем Адамова наследия. Как в воздухе бывают перемены, так и у нас в душе, иначе и быть не может.* ***Не унывай****, духовное чадо, и* ***не отчаивайся*** *о спасении своей души, эти мысли от лукавого беса; просто* ***не принимай*** *их. А в духовное руководство советую тебе почаще заглядывать в книгу аввы Дорофея. В молитве* ***не унывай****, если не видишь успеха, прочти в «Лествице» в 26-м слове 60-ю главу, еще 28-е слово, 29-ю главу. Господь Своею милостью поможет тебе в тяжелые минуты,* ***только не унывай*** *и молитвенно* ***к нему прибегай.***

Отмечая способы выражения утешения в духовном письме, отличающиеся от тех способов, которые свойственны утешению в иных речевых ситуациях, скажем об одной конструкции с глаголом в повелительном наклонении. Это конструкция, в которой присутствует языковая единица *не смущайся*. Важно то, что глагол *смутить* при этом употребляется в значении

«Взволновать, вызвать смятение, волнение в ком-н.» [Толковый словарь русского языка. Том IV, 2000: 311]. *Не смущайся* в случаях использования в духовных письмах как составляющей утешения сходно по значению с *не волнуйся.* Приведем примеры таких утешительных конструкций. Из письма митрополита Иоанна (Снычева): ***Не смущайся**, Бога ради, тем, что многие неправо смотрят на твой подвиг молчания и смирения. Помни, что добродетель сопряжена со скорбями и поношением. Не ты первая, не ты последняя переносишь подобное испытание.* В письме схиигумена Иоанна (Алексеева) читаем: ***Не смущайся**, что нападают иногда помыслы плотские, это естественно; одна благодать Господня только может освободить от них, однако знаю – они будут напоминать о себе даже до гроба, и старость несвободна от них.* Из письма игумена Никона (Воробьева): *К сожалению, прошлое сильно давит на тебя. Я рад, что хоть ты сознаешь это. Я не осуждаю тебя за это. Человек так слаб, так сильно действует грех в душе и теле… что неизбежны падения и некоторые возвраты к прежней греховной жизни. Ты **не смущайся** этим и **не унывай**.*

Коротко скажем об использовании в ситуации утешения выражений со словами *надо, нужно, необходимо, должен/должна/должны*. Н. И. Формановская дает такие варианты формирования выражения утешений с этими словами:

Надо	успокоиться
Нужно	взять себя в руки
	держать себя в руках
Необходимо	забыть об этом
Вы (ты) должны (-жен, -жна)	выбросить это из головы
	надеяться на лучшее и др.

[Формановская, 2009: 300].

Для утешений, функционирующих в духовном письме, использование таких выражений не характерно. Возможны же такие варианты:

со словом *надо*: *надо молиться, надо смиряться, надо бодрствовать, надо каяться, надо (по-)терпеть, надо утешаться…, надо отслужить молебен…, надо смиренно подклонить свою главу, надо подготовить себя к Таинству, надо жить по Божьим законам, надо жить в чувстве присутствия Божия, надо надеяться на Промысл Божий, надо читать св. Евангелие, надо поступать по Евангелию, надо просить Господа, надо молить Господа, надо преклоняться пред Господом, надо не роптать, надо просить у Господа…, надо за все благодарить*;

со словом *нужно*: *нужно (по-)молиться, нужно спасаться молитвой, нужно остерегаться ропота, нужно (по-)терпеть, нужно потерпеть ради Бога, нужно принуждать себя к молитве, нужно побеждать исповедью, нужно посредством таинства Покаяния очистить душу, нужно нести свой крест*;

со словом *необходимо*: *необходимо терпение, необходимо терпеть скорби, необходимо терпеть трудности, необходимо терпеть болезни, необходимо молиться, необходимо взять свой крест и нести его без ропота, необходимо непрестанно взывать к Богу, необходимо памятовать о своих грехах, необходимо со смирением предаваться воле Божией, необходимо благодарить Господа за все бывшие на нас милости*;

Со словами *должен/должна/должны*: *должен(-жна, -жны) нести свой крест, должен(-жна, -жны) начать каяться, должен(-жна, -жны) обращаться ко Господу, должен(-жна, -жны) терпеть, должен(-жна, -жны) (по-)трудиться, должен(-жна, -жны) потрудиться в молитвенном обращении к Господу, должен(-жна, -жны) молиться, должен(-жна, -жны) воспрянуть, должен(-жна, -жны) понять…, должен(-жна, -жны) принять…, должен(-жна, -жны) благоговейно чтить…, должен(-жна, -жны) благодарить Господа Бога, должен(-жна, -жны) быть сильнее*.

В письме архимандрита Иоанна (Крестьянкина) духовной ученице мы можем прочесть: *Прощение придёт к Вам, когда окончится срок Богом данной епитимии. А пока плач, стон и горе. И под всё это* ***надо смиренно подклонить***

свою главу *с мыслью, что достойное по делам своим приемлю.* Схиархимандрит Серафим (Романцов) сестрам Лебединского монастыря пишет: *ни малодушествовать, ни унывать не следует, хотя бы и пришлось в чем пострадать;* ***надо каяться и восставать****, по апостолу «задняя забывать, в передняя простираться»*.

На всех уровнях религиозного утешения реализуется его особая философская база. На лексическом уровне, как уже было отмечено, не все речевые конструкции употребляются в эпистолярии писателей-монахов и не характерны для христианского утешения в целом. Например, высказывания: *Нужно забыть об этом, Нужно быть выше этого, Ты должен выбросить это из головы* и сходных с ними в письмах церковных писателей-монахов вряд ли представляется возможным использовать. И причина тому прежде всего мировоззренческая. Наставник-монах не может учить быть равнодушным к происходящему, забыть скорби, ведь скорби и страдания рассматриваются в христианстве как необходимые составляющие человеческой жизни, как условия нравственного и духовного совершенствования и, что весьма важно, как действие Промысла Божия. Приведем подтверждающий сказанное пример из письма митрополита Макария (Невского) духовной дочери (начальнице монашеской общины и монастырского приюта): *Когда являются неприятности, сплетни, и это претерпевается, то лучше думать: это по грехам Моим или для пользы моей, по воле Божией. Потерплю ради Господа, чтобы Он помянул меня во смирении моем. Но* ***думать, что не стоит на это обращать внимания, что нужно быть выше всего этого, выше этих сплетен, сие помышление мирское, не христианское, в нем горделивость, а не христианское смирение, презрение, а не терпение Бога ради***.

Скажем несколько слов об использовании в духовных письмах утешений, содержащих просьбу. Побуждающее действие в них обычно выражается глаголом в повелительном наклонении или глаголом в неопределенной форме, в целом же такие утешительные речения сходны с теми, что употребляются вне церковно-религиозной сферы. Их начало

выглядит так: *Прошу (тебя / Вас), не огорчайся / не огорчайтесь; Прошу (тебя / Вас), не беспокойся / не беспокойтесь; Прошу (тебя / Вас), (по-)терпи(-те); Прошу (тебя / Вас), не унывайте.* Проиллюстрируем вышесказанное. В письме митрополита Макария (Невского) читаем: *...**прошу тебя, не беспокойся**. Это хорошо, что ты все горести предаешь Господу, несмотря на всю остроту их.* Из письма схиархимандрита Серафима (Романцова): ***Прошу вас не унывать**. Господь Бог не ради праведников, а ради грешников с небес на землю сошёл, дабы их спасти…*

Из отличительных особенностей утешений, содержащих в себе просьбу, можно отметить то, что в них могут встречаться не только просьбы *не огорчаться, не беспокоиться, не унывать и потерпеть*, но и, например, такие: *уповать на Бога, переносить данный Богом Крест, не допускать в своем сердце горечи, не иметь в своем сердце обиды*. Обратимся к примерам. В утешении схиархимандрита Серафима (Романцова) говорится: *В такой болезненной скорби святые отцы советуют всегда призывать на помощь милосердного Господа, Матерь Божию и святых угодников. Кроме того, с полным смирением, кротостью, многотерпением переносить тяжкую свою болезнь, видя в ней великую милость Божию, полезную нашему спасению. Так что… и я, благожелатель твоего спасения, **прошу**… тебя в смирении и терпении **переносить данный Богом тебе тяжкий, но славный Крест** для приобретения вечной райской обители и радостного пребывания всегда с Господом.* Митрополит Иоанн (Снычев) утешает: *Не теряй надежды на исполнение нашего желания, только не торопи Спасителя. В свое время он благословит ваш отпуск. <…> Очень **прошу тебя: не допускай в своем сердце горечи** на м. иг. или кого-либо другого. Иначе мы потеряем благодатную помощь…*

Важнейшей отличительной чертой утешения, функционирующего в церковно-религиозной эпистолярной коммуникации, становится использование в нем цитирования. К цитатам прибегают как к утешительным аргументам. Увещевая не бояться испытаний, принимать их,

руководствоваться волей Божией, не унывать, не отчаиваться, достойно преодолевать страдания, авторы духовных писем привлекают как аргументы к свидетельству цитаты из Евангелий, Псалтири, молитв, творений Отцов Церкви. Схиархимандрит Виталий (Сидоренко), убеждая принять жизненные испытания, для обоснования использует цитаты из Евангелий от Луки и от Матфея: *Не смущайся бывающими испытаниями. Господь рек:* ***«Терпением вашим спасайте души ваша»*** *(Лк. 21, 19) и* ***«Претерпевый же до конца, спасется»*** *(Мф. 10, 22)*. Митрополит Иоанн (Снычев) убеждает в том, что через испытания необходимо проходить более всего для обретения добродетелей.

Цитирование – одна из важнейших языковых особенностей утешения в духовном письме. Надо сказать, что в духовных письмах всех авторов, чьи письма анализировались в ходе исследования, встречались примеры цитаты как одного из средств утешения.

Например, эпистолярное наследие схиигумена Иоанна (Алексеева) изобилует цитированием сакральных текстов: *Ты пугаешься, куда твоя душа пойдет после смерти. Враг рода человеческого, диавол, пугает и представляет Господа строгим карателем и судьей.* ***Пророк Иезекииль сказал Духом Святым: если грешник покается и будет жить исправно, Господь не помянет его грехов*** *[см.: Иез. 33,16], – хотел наказать двух грешников, но* ***Господь сказал ему: «Я готов еще пострадать ради грешников»****. Слава, Господи, святому милосердию Твоему.*

Пишешь, что у тебя разные переживания и нет ровности. Да иначе и быть не может. Если в чем промахнулась по нетерпению и недальновидности, не трепещи и не унывай. Учись жить повнимательнее. Делиться можно духовными крупицами, однако надо духовную опытность иметь, иначе все будет невпопад, как ты пишешь. ***Святой Антоний Великий сказал****:* ***«Если будешь говорить духовное недуховному, ему сделается смешно»****, так у тебя и бывает.*

Ты смущаешься, что видишь себя очень слабой в духовной жизни. И не идешь вперед, а назад. А ты как же хочешь видеть себя, исправной во всем что ли? Но так не бывает по закону духовного ведения. Чем больше преуспевает человек в духовной жизни, тем больше видит себя грешным. ***Святой Петр Дамаскин пишет: «Если увидишь свои грехи, аки песок морской, и это есть начало просвещения души своей и знак ея здоровья»****.*

1.4. Элокутивная организация духовного утешения

Останавливая внимание на языковых особенностях этикетного речевого жанра «утешение», функционирующего в духовном письме, обязательно стоит сказать о его элокутивных особенностях. Стремление церковных писателей-монахов к созданию образности в утешении своих собеседников определяет обращение к эпитетам, метафорам, сравнению. Рассмотрим примеры использования изобразительных элокутивных средств языка при утешении в духовных письмах.

Одно из самых частотных изобразительных тропеических средств – **эпитет**. Образные определения помогают духовным наставникам при описании христианского пути. Обычно такой путь изображается трудным, наполненным неизбежными преодолениями внешнего и внутреннего характера. Определяя путь верующего человека, авторы духовных писем часто называют его ***узким*** *и* ***крестным***. Игумен Никон (Воробьев) в письме монахине Марии (Комаровой) и ее сестре Кате, подчеркивая необходимость скорбей в деле спасения души, о пути в царствие Божие говорит с помощью таких эпитетов: *Господь посетил вас болезнью, конечно, потому, что она была необходима для вашего спасения.* ***Многими скорбьми подобает внити в царствие Божие****, – таков закон духовный. <…> Очевидно, что нет иного пути в царствие Божие, как путь* ***узкий****,* ***крестный****, поэтому и вы должны не унывать при болезни и слабости, а паче радоваться духом, утешаясь мысленно, что Господь стал к вам ближе теперь.* Схиархимандрит Серафим

(Романцов) прибегает к образным определениям, стремясь показать, что путь скорбей – это путь приближения к Богу, действие Его Промысла в жизни грешного человека: *Болезнь часто нам посылается за грехи наши. Ведь в скорбях мы всегда делаемся ближе к Богу. Главное – никогда не отчаиваться в болезни. Господь посылает ее по безграничной любви Своей к* ***нам***, ***грешным*** *и* ***недостойным***. *Ты сама почувствовала и знаешь хорошо, как болезнь приводит и приближает к Господу.* У схиигумена Иоанна (Алексеева) также читаем: *Замечай, какая наша временная жизнь:* ***непостоянная***, ***изменчивая*** *и* ***скоропроходящая***, *невнимательных увлекает к рассеянности, а чтобы приобрести внутренний свой мир, одно средство –* ***непрестанная*** *молитва.* Другой пример эпитета можем встретить у Иоанна (Снычева): *Господь Бог да благословит тебя, дорогая Галина… Благословение мое не бойся выполнять. Господь не оставить без помощи. Делай все от* ***чистого*** *сердца в простоте.* Утешая, писатели-монахи используют эпитеты в разных ситуациях, чтобы сделать своё послание более выразительным, мягким, искренним, это помогает адресату прийти в состояние лада.

Метафора как элокутивное средство, обладающее большим потенциалом в смыслообразовании, используется в утешении весьма часто, особенно значимой с этой точки зрения становится ее роль в утешительной аргументации. Обратимся к примеру. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в одном из писем, помогая духовной дочери разрешить сомнения, справиться с семейными трудностями, разобраться в вопросах духовной жизни, при выстраивании утешения прибегает к метафорам: Дорогая *Л., Вам надо срочно исповедоваться и пособороваться. И тогда в уме и чувствах Ваших прояснится. Ведь* ***мгла****-то не ноги Ваши* ***окутала***, *но* ***голову*** *и* ***сердце***. *Помочь Вам и Вашим детям может только Господь, но Его об этом надо просить и молить, а не* ***погружаться в*** *томительную* ***бездну отчаяния***, *ведущую в «небытие»*. Убеждая в том, что из сложившейся ситуации, из состояния, описанного автором метафорически, можно выйти только через Бога и Церковь, писатель говорит о необходимости исповеди и соборования.

Метафоры встречаются и в письмах схиигумена Иоанна (Алексеева), например: *На твои тревоги и претыкания с Борисом Ивановичем и прочими скажу так: пока* ***наш духовный кораблик плавает в житейском море****, всегда будет подвергаться переменным погодам; Как в воздухе бывают перемены, так и у нас; иной раз такая* ***поднимется пыль****, что совсем* ***запорошит сердечное око.*** *В такие моменты одно средство: терпение и молитва, и уверять себя, что пройдет; Господь по-Своему благоутробию послал тебе некоторое изменение в твоей обычной жизни, и ты* ***упала духом*** *и почувствовала себя никуда не годной, а в этом-то и состоит смирение, чтобы чувствовать себя никуда не годной. Не унывай, чадо, понудь себя на молитву, и по Божией милости все возмутившееся* ***внутреннее твое грязное болото успокоится*** *и будет тихо спокойно.*

Метафоры в данном случае помогают, с одной стороны, передать состояние человека, в котором он находится, показать дальнейшую невозможность пребывания в нем, с другой стороны, – убедить в необходимости последовать совету. Метафоры могут использоваться при обозначении жизненных целей христианина. Приведем пример из письма митрополита Иоанна (Снычева): Отчаиваться*, конечно, не надо. Надо с помощью Божиею трудиться и* ***созидать духовный*** *себе* ***дом***.

Убеждая смиренно переносить временные земные страдания в надежде на облегчение в будущем, писатели-монахи часто используют **сравнения**. Схиархимандрит Серафим (Романцов) рисует образ страдающего человека и передает его состояние с помощью метафор и сравнений. Такое словесное живописание помогает утешить человека, призвано показать, что на смену скорби придет облегчение: *Когда бывает очень скорбно сердцу от стеснения горестных обстоятельств, от которых болит душа, будучи угнетаема горькими помышлениями о своём состоянии, тогда делается плач, сокрушается сердце и* ***слёзы струятся, как потоки****. После слёз чувствуется облегчение на сердце, оно очищается ими от тяжкой тьмы. И* ***как после сильного дождя проглянет солнышко****, уже на нежных веточках по горам и*

рощам хоры птиц воспевают Творцу своему хвалебные песни и, радуясь, славят его, каждая по своей природе, – ***так после слёз временная скорбь переменяется на радость****.*

Схиигумен Иоанн (Алекеев) также использует сравнение при употреблении речевого жанра «духовное утешение». Приведём несколько примеров: *Однако не унывай и не малодушествую, знай: ты не одна это переживаешь, но все человечество кряхтит под бременем Адамова наследия.* ***Как в воздухе бывают перемены, так и у нас в душе****, иначе и быть не может. Однако надо помнить, что* ***наша эта жизнь*** *в юдоли сей плачевной* ***изменчива****,* ***как погода****, иногда хорошая погода и солнце светит, вскоре бывает дождь и сильный ветер, иногда буря даже крыши на домах рвет. Пишешь, что у тебя бывают недоразумения и помрачения. Иначе в этой временной жизни и быть не может,* ***здесь постоянства нет пока, как в воздухе****. В такие тяжелые минуты требуется терпение и молитва, и ждать от Бога помощи. Духовная жизнь,* ***как рост телесный****: человек сам себя не замечает. Однако признак духовности состоит в том, как пишет святой Петр Дамаскин, когда* ***человек видит свои грехи, аки песок морской****. В этом здравие души.*

Сравнение в речевом жанре утешения может становиться средством, использующимся в ценностном ориентировании. В письмах игумена Никона (Воробьева) есть одно весьма важное сравнение. Утешая монахиню Сергию, он пишет: *Серафима, конечно, не права, и, кроме того, многократно не права тем, что, видя Вашу болезненность, не пожалела Вас, не сдержала себя ради спокойствия, необходимого для Вашего здоровья… По-моему,* ***к людям надо относиться так, как врач к больным****.* В Евангелии от Матфея (Глава 9, стихи 11, 12) говорится: *... фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им:* ***не здоровые имеют нужду во враче, но больные****.* Христианский евангельский подтекст этого сравнения в письме игумена Никона призван утешить и показать, что отношение людей друг к другу должно быть таким, каким оно

было у Христа: сопричастность, милосердие, сострадание, великодушие, понимание немощей, несовершенства человеческой природы должны лежать в основе христианских взаимоотношений.

Утешение в духовном письме, как уже отмечалось ранее, связано с убеждением в том, что страдания временны, что они идут во благо человеку, его духовному состоянию, что в избавлении от тягостного состояния помогает молитва, что истинное утешение человек может получить только на пути к вере, к Богу. Поскольку одним из средств, способствующих убедительности речи, является **повтор**, его использование можно характеризовать как необходимое и обычное для утешения в духовных письмах. Приведем примеры обращения писателей-монахов к повтору как к фигуре, способствующей актуализации смысла, выделению значимых компонентов мысли и усилению убедительности высказывания. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), утешая, убеждает адресата своего письма: случившееся связано с ее (духовной дочери) действиями, на ней лежит вина, нужно терпеть, переносить скорби, избывать свою вину. Автор использует корневой повтор: ***Терп****ением только и можете Вы загладить вину пред невинными страдальцами, – ведь Вы были соучастницей их родителей. И ехать Вам никуда не надо, надо* ***терп****еливо жить на своем месте и благодарить Бога за скорби.* В одном из писем игумена Никона (Воробьева) главным тематическим компонентом становится греховность человека и очищение от греха. Автор фокусирует внимание адресата за счет повтора на том, что греховность свойственна каждому человеку, тем самым утешая и одновременно показывая: грехи нужно изживать и каяться в них. Подчеркнем, что повтор способствует концентрации на главном тематическом компоненте: *Не унывайте, что видите себя дурной. Это неплохо. Все носят на себе ветхость первого Адама, видят это или не видят. В Вас еще нет духовного видения* ***грехов*** *своих, это дело будущего. Довольно, если сознаете и ощущаете отдельные* ***грехи****, от которых и надо очищаться покаянием. Мы все так тяжко пали, так глубоко гнездится в нас* ***грех****, так он многообразен, часто тонок и ядовит, что*

святые угодники каялись и плакали до самой смерти. Схиигумен Иоанн (Алексеев), утешая, акцентирует внимание на значимости терпения скорбей на пути спасения души, избавления от суетных хлопот; внимание на предмет речи направляется с помощью лексического повтора: *В твоем последнем письме повторяешь свои переживания. <…> Не было бы* ***скорбей****, не было бы и спасения, сказали святые отцы; от* ***скорбей*** *две пользы: первая – усердие к Богу и благодарность от всей души. Вторая – избавляет от суетных попечений и забот*.

Митрополит Макарий (Невский) также использует повтор, чтобы подчеркнуть важность тех или иных слов, которые должны направить на путь истинный духовного ученика: *Письмо не веселое, но все еще не* ***отчаянное*** *и не приводящее меня в* ***отчаяние****, потому что и ты не пришла в* ***отчаяние****, не бросаешь борьбы и по временам даже видишь некоторый успех.* ***Борись, борись****, дочь моя,* ***борись*** *и молись. Господь рано ли, поздно ли поможет тебе, видя, что ты протягиваешь к Нему молебные руки свои; В чем Господь застанет, в том и будет судить. Итак,* ***борись и молись****;* ***молись и борись****. Силен Господь подать тебе полное освобождение. Лучше умереть с покаянием во грехе, чем с грехом и без покаяния. Не стесняйся каяться в одном и том же много раз; это не только не оттолкнет от тебя духовника, но побуждает не переставать молиться о кающейся.*

Анафорические повторы способствуют ритмизации (что имеет значение для выдвижения определенных авторских установок), передаче чувств, эмоций, переживаний: ***Все Господь делает*** *для человека, для его радости, для его спасения...* ***Все делает Господь****, лишь бы это было в пользу, а не во вред человеку. Поэтому нечего бояться, нечего страшиться скорбей.* ***Все Господь сделает****, может избавить от всего* (игумен Никон (Воробьев)). ***Однако*** *мы не имеем такой заповеди, чтобы требовать от других любовь и справедливость, а сами обязаны исполнять заповедь любви и быть справедливыми.* ***Однако*** *не унывай, во время неприятностей углубись в Святое Писание и святых отцов, и в молитву, тогда опытом почувствуешь мир и*

тишину в душе своей; своим рассудком, как ни рассуждай, без Божией помощи не можем умиротвориться сами и других умиротворить. (Схиигумен Иоанн (Алексеев)); *Не место спасает, а произволение.* ***Куда ни пойди****, – от себя да от диавола не уйдешь.* ***Куда ни пойди****, и там найдутся люди злые и не дадут сердцу покоя. Тогда только нужно оставлять место, когда в нем находится соблазн ко греху. А из-за огорчений полезнее не бегать от подвига.* (Митрополит Макарий (Невский)).

Убедительности звучания мыслей способствует также использование **перечисления**. Помещенные в перечислительный ряд слова способны играть важную роль при передаче смысла, в акцентировании внимания на важных компонентах содержания. Изученный материал показывает, что авторы духовных писем эффективно используют перечислительные конструкции в текстах утешений. Приведем пример из письма игумена Никона (Воробьева): ***Потерпи*** *же,* ***не унывай****,* ***не отчаивайся****, всем* ***прости*** *и* ***прощай*** *впредь,* ***смиряйся*** *– и еще здесь найдешь мир и утешение мятущейся душе твоей.* Перечисление действий в данном случае позволяет сконцентрировать внимание читающего на необходимости совершения указываемых действий; побудительности звучания способствует и то, что обозначающие действие глаголы поставлены в повелительное наклонение. Сходные примеры мы видим и у других авторов духовных писем, например, у схиархимандрита Серафима (Романцова): *О прошедшей твоей жизни* ***не жалей*** *и* ***не скорби****, а* ***стремись*** *вперёд. Если одолевает отчаяние, то против него* ***вспоминай*** *безмерное милосердие Божие и то, что и великие разбойники и хульники приняты в Царство Небесное Богом через покаяние...* Или в письмах схиигумена Иоанна (Алексеева): ***Не унывай****, духовное чадо, и* ***не отчаивайся*** *о спасении своей души, эти мысли от лукавого беса; просто* ***не принимай*** *их.* ***Замечай****, какая наша временная жизнь:* ***непостоянная****,* ***изменчивая*** *и* ***скоропроходящая,*** *невнимательных увлекает к рассеянности, а чтобы приобрести внутренний свой мир, одно средство – непрестанная молитва. Твое письмо я получил и спешу ответить.* ***Не отчаивайся, не унывай,***

успокойся. *Скука и грусть пройдут,* ***потерпи****,* ***не унывай****, помоги и храни тебя Господь.*

В функции наглядного изображения перечисление при утешении адресата может использоваться, когда автор хочет создать образ высшего Утешителя и показать, что он поможет. Так, митрополит Макарий (Невский) указывает духовной дочери на то, что в нуждах следует обращаться к Богородице; перечисление эпитетов, создающее образ, помогает и формированию особого впечатления: *У тебя теперь новые скорби: сначала тебе скучно было о родных, а теперь сердце болит о сестрах. Но теперь, кажется, ты покрепче стала, больше самопредания воле Божией. Во всех нуждах советую особенно прибегать к Матери Божией: Она очень* ***добра****,* ***нежна****,* ***скоропослушлива****.*

Остановим внимание еще на некоторых фигурах, встречающихся в утешениях церковных писателей-монахов, и приведем примеры их функционирования. Особенность использования вопросно-ответного хода в утешении заключается в том, что вторая его часть (ответ) содержит в себе утешительное высказывание. Из письма митрополита Макария (Невского): *Тебя очень беспокоят людские толки, что у вас стало хуже, чем прежде было, и ты думаешь, что эта скорбь не от Господа и не во спасение. – Что же,* ***разве думаешь, что Господь не видит и не знает этого, что это без Его ведома? О, нет и нет! Он попускает эту скорбь, желая научить вас, как детей Своих, величайшей добродетели смирения****…* Вторая часть вопросно-ответного хода может быть утешительным советом. Митрополит Иоанн (Снычев) пишет: *Как быть тебе с твоей старицей?* ***Великодушно сноси немощи ее языка. Как бы ни было тебе трудно, а ты говори сама себе: «Господи, прости моей старице ее многоглаголание и не попусти погибнуть ни ей, ни мне…»****.* Такое же применение вопросно-ответного хода находим и в эпистолярном наследии схиигумена Иоанна (Алексеева): ***Ты все беспокоишься о письмах? Не скорби****, если найдутся – хорошо, а если не найдутся – тоже хорошо, смущаться не надо.* ***У тебя опять страдание***

повторилось. Что делать? Не без Божией воли это происходит*, если Господь почется о птицах, неужели ты забыта у Него? [Ср.: Мф. 6,26.]* ***Молитву не оставляй****, она поможет тебе.*

Восклицательные конструкции в утешениях помогают авторам в воодушевлении своих духовных учеников, настраивании их на положительное восприятие мира: *Будем спасаться, Варя, а не погибать.* ***Крепись и мужайся!*** (митрополит Иоанн (Снычев)); *Молиться нужно, молиться, на помощь Бога призывать. Бог нам прибежище и сила. Он поможет…* ***С унылой душой тяжело работать, ободрись, оденься в обычную твою храбрость и веселье!*** (митрополит Макарий (Невский)).

Парцелляция, как и в иных случаях, используется для выделения значимых компонентов текста. В утешениях это могут быть смысловые компоненты, призванные поднять дух, способствовать положительному настрою на будущее: *Жалуешься, что с новой наукой у тебя нет лада.* ***Не падай духом. Трудись, молись*** (митрополит Иоанн (Снычев)); *Не бойся ничего. Внедряй в себя мысль, что во всем мире не происходит ни малейшего движения без ведома и соизволения Божия.* ***Тем более с человеком, тем более с верующим и чтущим Его не происходит ничего – ни доброго, ни злого – без Бога***. Встречается в духовных письмах при формировании утешения и **противопоставление**: *…среди великих скорбей можно и должно радоваться.* ***Радость – жизнь души, скорбь – смерть ее****; печаль многих убила. Итак, не скорби, не крушись. Молись, терпи, молись и получишь помощь, все просветлеет, все прояснеет и люди будут казаться другими* (митрополит Макарий (Невский)); *О прошедшей твоей жизни* ***не жалей и не скорби, а стремись вперёд****. Если одолевает отчаяние, то против него вспоминай безмерное милосердие Божие и то, что и великие разбойники и хульники приняты в Царство Небесное Богом через покаяние...* (схиархимандрит Серафим (Романцов)). Главная стилистическая функция противопоставления – смыслообразующая.

Отличительной чертой в реализации речевого жанра «духовное утешение» становится также употребление обращений, которые предают доброжелательность, сердечность, сочувственность писателя-монаха к своим духовным ученикам. Здесь стоит отметить, что в большинстве случаев духовный отец обращается в письмах к своим адресатам на «ты», как к близкому, знакомому человеку, так как многие монахи могли вести переписку с духовными детьми многие годы. Это необходимо также для улучшения эмоционального воздействия на адресата, демонстрирует близость и соответствует ситуации общения. Встречаются обращения автора к собеседнику по имени, в редких случаях могут присутствовать инициалы: *Господь Бог да благословит тебя,* ***дорогая Галина****… Положись всецело на волю Божию и верь, что Господь не оставит тебя без утешения. Удали от себя расслабление, пришедшее к тебе от осуждения малодушия. Трудись неленостно* (Иоанн (Снычев)); *Ты пишешь о своих болезнях, что они посланы Богом за грехи твои. Нет,* ***Клавдия****, не так надо думать. Судьбы Господни непостижимы, и наш ограниченный умишко не может понять их, кому какие болезни и скорби даются Богом нам, грешным, однако знай, что в сей юдоли плачевной [см.:Пс. 83:7], временной жизни, миновать их не можем* (Иоанн (Алексеев))*;* ***Дорогая Л****., Вам надо срочно исповедоваться и пособороваться. И тогда в уме и чувствах Ваших прояснится. Ведь мгла-то не ноги Ваши окутала, но голову и сердце. Помочь Вам и Вашим детям может только Господь, но Его об этом надо просить и молить, а не погружаться в томительную бездну отчаяния, ведущую в «небытие»* (Иоанн (Крестьянкин)). Чаще всего употребляются обращения – существительные в значении духовного ребенка, так как монах в данной переписке является духовным отцом, который наставляет на истинный путь, помогает исцелиться от греха, достичь царствия Божия. Приведем примеры из писем: *Не отчаивайся,* ***чадушко****. Лучше, возложив упование на Божию помощь, пойдем путем подвижников Христовых* (Иоанн (Снычев))*; Вот что я скажу тебе,* ***чадо духовное****: аще враг рода человеческого, диавол, будет нападать и смущать*

тебя случайными поползновениями, не унывай. Вспомни мудрого игумена духовное слово: «Лучше немощная совесть, чем со тщеславием добродетель» (Иоанн (Алексеев)); ***Сестра Матрона, дочь моя духовная****. Очень сокрушаюсь о твоем бессилии в борьбе с врагом, сковавшим тебя цепями. Но не отчаивайся. Пока еще жива, пока есть в тебе зернышко веры, пока не впала в полное отчаяние, все еще есть надежда на твое спасение* (Макарий (Невский)); *Много надо трудов понести, чтобы строился дом души. Строй,* ***детка****. Он не раз еще будет шататься и даже нарушаться, пока созреют ум и душа. Набирайся терпения, чтобы терпеть свои несовершенства. Божие благословение тебе. Храни тебя Господь* (Иоанн (Крестьянкин)). Кроме того, нередки случаи обращения с помощью прилагательных *милая, родная*. Взглянем на примеры из писем игумена Никона (Воробьева): *Господь миловал тебя, и теперь благодари Его за это и за все, а главное, что избрал тебя в Свои друзья. Потерпи,* ***милая****; когда успокоишься, тогда можешь в правильном свете увидеть себя и окружающих; Пиши подробно обо всем, я постараюсь по силе ответить тебе. Не унывай,* ***родная****. Господь с тобой и не оставит тебя без помощи и утешения.* Выбор обращения обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими фактами, выполняет этикетную функцию и способствует улучшению эмоционального состояния адресата.

1.5. Функции речевого жанра «духовное утешение»

Коротко скажем о функциях этикетного речевого жанра «утешения» в духовном письме. Наличие во многих примерах утешения глаголов в повелительном наклонении, инфинитивов в сочетании со словами *надо, должен, нужно, необходимо* позволяет говорить о присущей утешению волюнтативной функции. Поскольку авторы стремятся вывести своих собеседников из состояния разлада и привести к ладу, помочь им справиться с тяжелым душевным состоянием, страданиями, разрешить сомнения, можно

говорить о реализации функций гармонизации общения и синдикативной функции (функция объединения, укрепления общности между участниками общения). Активное привлечение при формировании утешения аргументов, в том числе аргументов к свидетельству (цитаты из значимых религиозных текстов), говорит и о выполнении аргументативной функции. В ходе утешения писатель-монах всегда наставляет, поучает, указывает на то, как лучше поступить, что нужно делать дальше, как справляться с трудностями, объясняет духовный смысл происходящего, поэтому можно говорить и о реализации дидактической функции (учительной). Утешение в духовном письме – один из наиболее ярких жанров с точки зрения словесной организации, авторы активно обращаются к различным тропам и фигурам, используя их как актуализаторы смысла высказывания. В связи с этим можно говорить о выполнении утешением эстетической функции. Помимо этого, духовное утешение, реализуясь в эпистолярии писателей-монахов, имеет особый ценностный ориентир – утешение может прийти только от Господа, в связи с чем можно отметить и аксиологическую функцию (функция ориентирования на ценности).

Опираясь на труды А. Н. Смолиной, в частности на мысли о том, что «этикетный речевой жанр «утешение», активно функционирующий в русском общении, «попадая» в сферу церковно-религиозной коммуникации, приобретает ряд специфических черт, позволяющих говорить об особой его разновидности – духовном утешении» [Смолина, 2018: 40], и на результаты проведенного анализа, мы пришли к определению изучаемого явления. Духовное утешение – особая разновидность речевого жанра «утешение»: создаваемый религиозным автором и ориентированный на адресата, обладающего теоцентрическим мировоззрением, текст, к основным признакам которого относятся: религиозная идейность; способность реализовываться в различных содержательных вариантах, объединенных общей мировоззренческой установкой – истинное утешение может прийти только от Бога при осознанной духовной работе над собой. Лингвостилистические

особенности духовного утешения связаны с его теологическим содержанием (обусловленным особым мировоззрением авторов, реализацией в их текстах принципа теоцентризма) и заключаются в использовании при воплощении жанра религиозно маркированных языковых единиц (лексических, лексико-тропеических, фигуративных). Особую роль при реализации духовного утешения приобретает утверждение в нем исихастских идей любви к Богу, Божиего утешения, об***о***жения, спасения, терпения, молитвенного делания, смирения, использование религионимов (теонимов, агиоантропонимов, языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

На материале духовного эпистолярия писателей-монахов XX века были выбраны отрывки, где применялся речевой жанр «духовное утешение». Были выделены и проанализированы содержательные типы речевого жанра «духовное утешение», особенности его функционирования в православной сфере. Определены также основные способы выражения, лексические, элокутивные особенности и функции. Стоит отметить, что, переходя в церковно-религиозный функциональный стиль, речевой жанр «утешение» начинает работать совсем иначе, так как в православной культуре утешение, облегчение страданий можно получить только от Бога. Поэтому именно данная черта становится ведущей для писателя-монаха, наставника в письмах к своим духовным ученикам.

Речевой жанр «утешение», функционируя в церковно-религиозном стиле, привлекается в эпистолярии писателей-монахов XX века, приобретает специфические религиозные черты. В духовных письмах употребляются отличительные повелительные глаголы при утешении, особая лексика, в первую очередь это лексика православной сферы, в особенности религионимы и слова духовно-нравственного содержания. Это позволяет говорить об особой разновидности речевого жанра утешения – христианском духовном утешении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа был сделан ряд выводов, в числе которых наиболее важными представляются приведенные далее.

Духовное утешение является особой жанровой формой, обладающей рядом существенных отличий идейно-содержательного, лексического и фигуративно-тропеического характера и отражающей теоцентрическое мировоззрение авторов, использующих эту форму.

В общении христиан существует особое видение того, каким образом следует утешать тех, кто в этом нуждается; сущностной составляющей духовного утешения становятся мысли о том, что облегчение страданий, истинное утешение могут прийти только от Бога и только на христианском пути духовного совершенствования.

Основными содержательными типами духовного утешения являются: упование/надежда на помощь Бога; страдания временны; принятие воли Божией; утешение христианина – в вере; источник утешения – молитва; страдание – условие духовного возрастания и действие Промысла Божия; страдания и скорби неизбежны у каждого; терпение – основа преодоления страданий; богоугодный труд – утешение для страдающего.

Основными религиозными идеями, воплощающимися в духовном утешении, становятся составляющие основу философского учения исихазма идеи любви к Богу, Божиего утешения, об***о***жения, спасения, терпения, молитвенного делания, смирения.

К основным особенностям функционирующего в русской монашеской эпистолярной словесности утешения относится использование религионимов, в частности теонимов (*Господь*, *Бог*, *Спаситель, Иисус Христос*, *Владыка, Божественный Владыка*) и агиоантропонимов (*Святой Лествичник*, *ап. Иоанн Богослов*, *преподобный Макарий*, *авва Дорофей* и др.*)*, языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания (*молитва*, *крест*, *дух*, *душа*, *спасение*, *смирение* и др.).

Ведущими морфологическими способами выражения утешения в исследованных текстах становятся фразы, сформированные глаголами в повелительном наклонении, соответствующие по содержанию коммуникативной ситуации (*утешайся/утешайтесь, смирись/смиритесь, спасайся/спасайтесь, молись/молитесь, не отчаивайся / не отчаивайтесь, покайся/покайтесь, не печалься / не печальтесь, уповай/уповайте на милость Божию* и др.); выражений со словами *надо, нужно, необходимо, должен/должна/должны* (*надо молиться, надо смиряться, надо бодрствовать*, *надо (по-)терпеть, надо утешаться…*, *нужно спасаться молитвой*, *необходимо терпеть трудности*, *необходимо непрестанно взывать к Богу*, *должен(-жна, -жны) начать каяться*, *должен(-жна, -жны) нести свой крест*, *должен(-жна, -жны) благодарить Господа Бога*, *должен(-жна, -жны) воспрянуть и др.*).

Специфической языковой чертой исследованного жанрового явления становится цитирование, которое может являться базовой составляющей утешения, аргументом, используемым автором при убеждении адресанта в необходимости утешиться, принять происходящее, смириться.

К тропеическим особенностям духовного утешения относится использование эпитетов, метафор и сравнений религиозно-христианского свойства. Функционирующие в русской монашеской эпистолярной словесности тропы обычно содержат в себе религиозно маркированные языковые единицы (именования Бога и Божией Матери, названия грехов и добродетелей, имена святых и др., интертекстуальные включения библейского происхождения).

К фигуративным особенностям духовного утешения относится использование различного вида повторов, перечисления, восклицательных конструкций, парцелляции, актуализирующих христианские смыслы, делающих акценты на значимых христианских идеях, способствующих убеждению.

Основные функции духовного утешения следующие: гармонизации общения (приведения собеседника из состояния разлада в состояние лада), дидактическая (учительная), синдикативная (объединения, укрепления общности между участниками общения), аксиологическая (ориентирования на ценности), эстетическая (создания выразительного и эстетически привлекательного текста, пробуждения эстетических чувств).

Выявленные особенности утешения, функционирующего в сфере церковно-религиозной коммуникации, позволяют дать его определение. Духовное утешение – особая разновидность речевого жанра «утешение»: создаваемый религиозным автором и ориентированный на адресата, обладающего теоцентрическим мировоззрением, текст, к основным признакам которого относятся: религиозная идейность; способность реализовываться в различных содержательных вариантах, объединенных общей мировоззренческой установкой – истинное утешение может прийти только от Бога при осознанной духовной работе над собой. Лингвостилистическая специфика духовного утешения связана с его теологическим содержанием и заключается в использовании при реализации жанра религиозно маркированных языковых единиц (лексических, лексико-тропеических, фигуративных).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: учеб. пособие для студентов-иностранцев. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1978. 186 с.

2. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма: учеб. пособие. 8-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 208 с.

3. Аль-Фарадж Е.А. Эпистолярное утешение XVII века на примере переписки Антуана Арно // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 1. С. 56–64.

4. Баталов А.А. Языковая и речевая природа средств речевого этикета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 79–85.

5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М.: Книга по Требованию, 2013. 444 с.

6. Бирюлина А.И. Эволюция русского речевого этикета: на материале художественной литературы XIX–XXI веков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2019. 27 с.

7. Бирюлина А.И., Моисеев А.П. Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 223–228.

8. Бугаева И.В. Речевой этикет в сфере религиозной коммуникации the speech etiquette in the religious communication / И.В. Бугаева // Культура народов Причерноморья. 2006. Т. 1. № 82. С. 44–46.

9. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2010. 454 с.

10. Белунова Н.И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект

лингвистического исследования (коммуникативный аспект): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 2000. 475.

11. Герасименко И.Е. Речевой этикет в интернет-коммуникации // Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет». 2019. С. 24–25.

12. Гладров В. Речевые жанры «приветствие» и «прощание» в современном немецком и русском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3. С. 69–74.

13. Дехган Халили Можде. Речевой жанр «просьба» в современной русской коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2015. 22 с.

14. Димитрий (Конюхов), протоиерей. Возникновение исихастской педагогики // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 3. С. 213–221.

15. Дускаева Л.Р. Этикетные речевые жанры в газетном дискурсе / Л.Р. Дускаева, Н.А. Корнилова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3 (19). С. 177–185.

16. Дускаева Л.Р., Корнилова Н.А. Этикетные речевые жанры в газетном дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3. С. 177–185.

17. Дускаева Л.Р. Речевой этикет в онлайн-сообществах: медиалингвистический анализ // Санкт-Петербургский государственный университет. 2020. Т. 24. № 1. С. 56–79.

18. Духанин В.Н. Сокровенный мир Православия. 4-изд., испр. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 536 с.

19. Зеленин А.В. Православный этикет // Русская речь. 2005. № 2. С. 74–82.

20. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Практическая энциклопедия основы правильной духовной жизни. СПб.: Сатисъ, 2013. 338 с.

21. Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2016. 42 с.

22. Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 21 с.

23. Кан Сын Мин. Формы выражения толерантности в русском речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2010. 25 с.

24. Керасиди Н.Х. Жанр утешения в древнегреческой литературе // Проблемы исторической поэтики. 1990. № 1. С. 128–136.

25. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: Учебник. М.: Флинта: наука, 2012. 464 с.

26. Кохан О.В. Речевой этикет как отражение особенностей коммуникативного процесса в русской и немецкой культурах // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. № 7. С. 46–51.

27. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: наука, 2006. 696 с.

28. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. 1996. С. 135–138.

29. Кузнецова С.А. Поздравления и пожелания как этикетный речевой жанр в эпистолярном наследии А.П. Чехова // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 19–23.

30. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 415 с.

31. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: XX–XXI вв.: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 2013. 39 с.

32. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 413.

33. Лунева В.В. Речевой этикет как гиперсемиотическое образование: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2011. 21 с.

34. Магомедова З.К. Сопоставительно-типологический анализ этикетной лексики в языках различных культур: аварском и английском: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. Махачкала, 2018. 24 с.

35. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Книга третья. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). [Электронный ресурс]. 2008. URL: https://www.sedmitza.ru/lib/text/435897/ (дата обращения: 10.05.2021).

36. Мейендорф И.Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 29. Л., 1974. С. 291–305.

37. Мейендорф И.Ф. История Церкви и восточно-христианская мистика: Единство Империи и разделение христиан. Святой Григорий Палама и православная мистика. Византия и московская Русь / Пер. М.: ДИ-ДИК; Правосл. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2000. 576 с.

38. Митина Е.А. Речевой жанр «соболезнования» в русской лингвокультуре // Вестник ЧелГУ. 2012. № 2 (256). С. 56–58.

39. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2004. 24 с.

40. Моргачев В.О. Исихазм: культурный смысл (на материале истории культуры Византии и России): дис. … канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов н/Д, 2002. 196 с.

41. Моргачева А.В. Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов н/Д, 2011. 23 с.

42. Мосейко А.А. Особенности и отличия интернет-этикета от традиционного речевого этикета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 153–157.

43. Отечникъ. Рассказы о жизни святых подвижников / сост. Святителем Игнатием (Брянчаниновым). 5-е изд. М.: ДАРЪ, 2009. 768 с.

44. Петрова Н.Э. Социокультурная компетенция: речевой этикет в Малайзии и России // Региональный вестник. 2019. № 9 (24). С. 25–26.

45. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб.: Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1913. С. 2215.

46. Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв.: исследования, тексты, переводы / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1992. 214 с.

47. Прохватилова О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2000. 46 с.

48. Рабенко Т.Г., Черепанова Е.А. Жанры приветствия и прощания в речи студентов // Вестник КемГУ. 2008. № 8. С. 174–179.

49. Рабенко Т.Г. Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 83–88.

50. Рабенко Т.Г. Жанр «утешение» и средства его языковой реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). С. 107–111.

51. Ринекер Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза / под ред. Ф. Ринекер, Г. Майер [Электронный ресурс]. 1999. URL: https://clck.ru/VbMkx (дата обращения: 03.04.2021).

52. Рогожкина А.В. Формулы дипломатического речевого этикета со значением согласия/несогласия в дипломатических текстах XVI–XVII веков // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2012. № 10. С. 106–109.

53. Симеон (Томачинский), иеромонах. Монашество в истории русской словесности [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.pravoslavie.ru/65647.html (дата обращения: 05.05.2020).

54. Синицына Н.В., Романенко Е.В. Монашество // Православная энциклопедия. Т. XLVI. Исаак Сирин – исторические книги / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2017. С. 615–628.

55. Словарь библейских образов: справочник / пер. с англ. Б.А. Скороходова, О. А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2005 (ГУП Тип. Наука). 1423 с.

56. Смолина А.Н. Этикет русского духовного письма: теолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 171–176.

57. Смолина А.Н. Русская монашеская литература XX века: особенности идейного содержания и языка произведений (на материале эпистолярной прозы. Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. ИКС, 2017. С. 451– 454.

58. Смолина А.Н. Речевой этикет русского духовного письма: монография / А.Н. Смолина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 288 с.

59. Смолина А.Н. Речевой жанр утешения в эпистолярном церковно-религиозном общении (на материале писем русских церковных писателей-

монахов XX века) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018 № 2. С. 36–42.

60. Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие, сущность (988–1917). Жизнь и учение старцев (путь к совершенной жизни). М.: Паломник, 1999. 604 с.

61. Соколова Н.Л. Английский речевой этикет. М.: УДН, 1991. 213 с.

62. Соловьева А.А. Языковые средства выражения речевого жанра «совет» в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (22). С. 191–194.

63. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1999. 19 с.

64. Тарасенко Т.В. Этикетные речевые жанры: опыт описания (на примере описания жанра поздравления) // Жанры речи. 2002. Вып. 3. С. 282–289.

65. Ткачев Е.В. Монашество // Православная энциклопедия. Т. XLVI. Исаак Сирин – исторические книги / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2017. С. 567–578.

66. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. 1499 с.

67. Федосеева С.В. Речевой жанр благодарности // Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 2013. С. 346–356.

68. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 73–94.

69. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

70. Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться: Письма. М.: Отчий дом, 2012. 304 с.

71. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М.: ИКАР, 2004. 302 с.

72. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика: научное издание. М.: ВК, 2009. 333 с.

73. Фу Сяо. Языковая репрезентация социально-ролевых отношений говорящих в императивных речевых жанрах (на материале русских народных сказок): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2010. 22 с.

74. Ханский А.О. Коммуникативные стратегии вербального утешения: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2002. 16 с.

75. Хафизова Н.А. Монашество: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. Пермь, 2002. 152 с.

76. Черник В.Б. Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2002. 197 с.

77. Чжэньсин Лю. Особенности этикетного речевого жанра благодарности в русском и китайском языках // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2014. № 7. С. 173–174.

78. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Berlin. 1990. № 2. С. 20–32.

79. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общефилологического осмысления // Collegium. 1995. № 1-2. С. 57–65.

80. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 88–98.

81. Шмелева Т.В. Речевой акт // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. // Сибирский федеральный университет / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 539–540.

82. Шумило С.М. Исихастское учение в культуре Киевской Руси. Переводные произведения Ефрема Сирина и особенности их восприятия // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Серія: Філософські науки: сборник научных трудов / Чернігівський держ. пед. ун-т ім. Т.Г. Шевченка. Чернігів, 2009. Вип. 66: Кулішеві читання з філософії етнокультури. С. 136–142.

83. Юань Ю. Сопоставительное описание этикетного речевого жанра «просьба» в русском и китайском языках // Язык и социум: Материалы IX Междунар. науч. конф., 3 – 4 декабря 2010 г., Минск: В 3 ч. Ч. 2. / отв. ред. Л.Ф. Гербик. Минск: БГУ, 2011. С.181–185.

84. Юй Исин. Русский речевой этикет в свете этики ответственности: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2019. 26 с.

85. Danilina E.A., Kizyan E.E., Maksimova D.S. Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Peoples Friendship University of Russia. 2020. № 1. C. 8–22.

86. Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M. Cognitive and Discoursive Features of Speech Etiquette in Corporate Communication // INTERNATIONAL JOURNAL OF ENGLISH LINGUISTICS. 2019. № 9. C. 310–318.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Иоанн (Алексеев), схиигумен. Письма о духовной жизни / Валаамский старец схиигумен Иоанн (Алексеев); сост. В.Г. Дегтерёв. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 720 с.

2. Иоанн (Крестьянкин), архимандрит. Письма. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2013. 544 с.

3. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Письма. [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://old.glinskie.ru/biblio/o_starcah/p_gl_st/pisma68_80.html (дата обращения: 19.05.2020).

4. Иоанн (Снычев), митрополит. Наука смирения. Письма монашествующим. СПб.: Царское Дело, 2015. 464 с.

5. Макарий (Невский), митрополит. Молись, борись, спасайся! Письма духовной дочери. М.: Лодья, 1998. 95 с.

6. Никон (Воробьев), игумен. Письма о духовной жизни / сост., предисл. А.И. Осипова. М.: Благовест, 2015. 576 с.

7. Серафим (Романцов), схиархимандрит, преподобный. Духовные письма. Киев: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2006. 56 с.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И. В. Евсеева
«15» июня 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ МОНАШЕСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ СЛОВЕСНОСТИ XX ВЕКА

Выпускник _____ А.К. Буравлева

Научный руководитель _____ канд. филол. наук,
доц. А.Н. Смолина

Нормоконтролер _____ Н.С. Севруженко

Красноярск 2021

ОТЗЫВ

научного руководителя Смолиной Анджеллы Николаевны,
кандидата филологических наук, доцента
кафедры русского языка и речевой коммуникации СФУ

на выпускную квалификационную работу студента отделения филологии ИФиЯК СФУ
Буравлёвой Арины Кирилловны
на тему «Речевой жанр “утешение” в русской монашеской эпистолярной словесности XX века»

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		высокий	средний	низкий	не представлен
1.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
2.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения		+		
4.	Количество языкового материала и качество его анализа / качество анализа литературного материала		+		
5.	Глубина раскрытия темы	+			
6.	Степень оригинальности работы (отсутствие неправомерных заимствований)	+			
7.	Ответственность в отношении к работе	+			
8.	Соблюдение графика выполнения ВКР	+			
9.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок		+		
10.	Оформление текста и библиографии	+			

Комментарии научного руководителя

Бакалаврская работа Буравлёвой Арины Кирилловны, на наш взгляд, восполняет имеющиеся пробелы в изучении теории церковно-религиозного функционального стиля. Несмотря на то, что в настоящий момент существуют лингвистические труды (диссертационные исследования и статьи), в которых представлены результаты изучения отдельных жаров церковно-религиозного стиля (проповеди, акафиста, жития и др.), остаются неизученными некоторые вопросы. Так, в малой степени исследованы особенности реализации в духовных текстах этикетных речевых жанров, элокутивная организация различных типов церковно-религиозных текстов. Кроме того, в недостаточной степени освещены вопросы, касающиеся особенностей аргументации в современном религиозном дискурсе, специфики проявления интертекстуальности. Речевой жанр «утешение» также описан не исчерпывающе. Представляется, что Арине Кирилловне удалось в своем исследовании восполнить некоторые пробелы изучения речевых жанров церковно-религиозного стиля. Арина Кирилловна проделала достаточно большую работу, изучая теоретический материал, он грамотно представлен в первой части исследования. Материал как первой, так и второй частей может быть использован при изучении функциональной стилистики (в особенности церковно-религиозного стиля) и риторики (при рассмотрении вопросов, связанных с теорией и практикой элокуции),

русского речевого этикета. Буравлёва Арина Кирилловна весьма успешно справилась с работой и заслуживает присвоения квалификации «филолог». С 2019 года Арина Кирилловна ежегодно принимала активное участие в работе научных конференций, неоднократно становилась призёром. В частности, выступала с докладами «Речевой жанр "утешение" в церковно-религиозном стиле (на материале писем-поучений митрополита Иоанна (Снычева))» на конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2019), «Речевой жанр "утешение" в русской монашеской словесности XX века: на материале писем схиигумена Иоанна (Алексеева)» на «XX Красноярских краевых Рождественских образовательных чтениях» (Красноярск, 2020) и других. По теме исследования Ариной Кирилловной опубликовано две статьи (в журнале «Siberia Lingua» и в журнале «Scripta manent»).	
Итоговая оценка научного руководителя	Работа заслуживает высокой положительной оценки

Смолина Анджелла Николаевна,
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и речевой коммуникации ИФиЯК СФУ

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Речевой жанр "утешение" в русской монашеской эпистолярной словесности XX века». Выпускная квалификационная работа представлена в объёме 100 страниц, включает в себя список иллюстративного материала – 7 источников, а также список использованной литературы, состоящий из 86 наименований.

Ключевые слова: УТЕШЕНИЕ, РЕЧЕВОЙ ЖАНР, ЭПИСТОЛЯРИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-МОНАХОВ, ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ, РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ, ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО, ПРАВОСЛАВНАЯ ЛЕКСИКА.

Цель: заключается в выявлении идейно-содержательной и стилистической специфики функционирования этикетного речевого жанра «утешение» в русской монашеской эпистолярной словесности XX века.

Задачи: 1) с опорой на идейно-содержательную составляющую исследуемых текстов обосновать выделение специфического речевого жанра «духовное утешение»; 2) представить содержательные типы речевого жанра «духовное утешение»; 3) рассмотреть лексические способы выражения речевого жанра «духовное утешение»; 4) выявить морфологические способы выражения речевого жанра «духовное утешение»; 5) показать лингвостилистическую роль религионимов в исследуемых текстах; 6) обозначить элокутивную специфику речевого жанра «духовное утешение»; 7) рассмотреть основные функции речевого жанра «духовное утешение».

Актуальность выбранной темы объясняется обращенностью к активно развивающейся теории церковно-религиозного стиля, встраивание в его жанровую систему в малой степени исследованного речевого жанра «утешение». Обусловливает актуальность исследования и его включенность в разработку теории эпистолярной словесности (труды А. В. Курьянович, Н. В. Понырко, Н. И. Белуновой, Т. Г. Рабенко, Т. П. Акимовой и др.), в изучение активно исследуемой в наши дни монашеской культуры, в частности монашеской словесности (работы А. В. Моргачевой, И. Н. Ружинской, Е. В. Ткачева, Н. А. Хафизовой, иеромонаха Симеона (Томачинского) и др.), в развитие теории русского речевого этикета (научные изыскания А. И. Бирюлиной, Л. Р. Дускаевой, И. Е. Герасименко, А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябовой и др.).

Основные выводы и результаты исследования:

Духовное утешение является особой жанровой формой, обладающей рядом существенных отличий идейно-содержательного, лексического и фигуративно-тропеического характера и отражающей теоцентрическое мировоззрение авторов, использующих эту форму.

Было выделено девять основных содержательных типов духовного утешения. Основными религиозными идеями, воплощающимися в духовном утешении, становятся составляющие основу философского учения исихазма идеи любви к Богу, Божиего утешения, обожения, спасения, терпения, молитвенного делания, смирения. К основным особенностям функционирующего в русской монашеской эпистолярной словесности утешения относится использование религионимов. Ведущими морфологическими способами выражения утешения в исследованных текстах становятся фразы, сформированные глаголами в повелительном наклонении, соответствующие по содержанию коммуникативной ситуации. К тропеическим особенностям духовного утешения относится использование эпитетов, метафор и сравнений религиозно-христианского свойства. К фигуративным особенностям духовного утешения относится использование различного вида повторов, перечисления, восклицательных конструкций, парцелляции. Основные функции духовного утешения следующие: гармонизации общения, дидактическая, синдикативная, аксиологическая, эстетическая.

Перспективы дальнейшего исследования: изучение специфики функционирования речевого жанра «утешение» в других функциональных стилях русского языка, исследование других речевых жанров в эпистолярии писателей-монахов.